

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра теории государства и права и международного права

Заведующий кафедрой
д-р. юрид. наук, профессор
О.Ю. Винниченко

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

**ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО И МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ПРИ
ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И БИЗНЕСА**

40.04.01 Юриспруденция
Магистерская программа «Защита прав человека и бизнеса»

Выполнила работу
студент 3 курса
заочной формы обучения

Долгушина
Наталья
Петровна

Научный руководитель
д.ю.н., профессор

Марочкин
Сергей
Юрьевич

Рецензент
адвокат,
НО Тюменская областная
коллегия адвокатов

Прок
Мария
Александровна

Тюмень
2020

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические вопросы толкования права и его значение для правоприменительной практики.....	7
1.1. Понятие и значение толкование права в правоприменительной деятельности.....	7
1.2. Виды и способы толкования права.....	14
1.3. Стадии толкования права в правоприменительной деятельности.....	26
Глава 2. Проблемные вопросы толкования внутреннего и международного права в российской правоприменительной практике.....	32
2.1. Проблемы толкования нормативно-правовых актов РФ и норм международного права	32
2.2. Проблемы толкования и имплементации Европейской конвенции о защите прав и свобод человека.....	444
2.3. Направления совершенствования толкования права в правоприменительной практике.....	533
Заключение	66
Библиографический список	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Вступление в Совет Европы и подписание Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод вновь подтвердили приверженность России идеалам и принципам гуманизма и демократии. Отныне решающее значение приобретает практическая работа по реализации Конвенции и выработанных на ее основе решений контрольных органов. Обеспечение неуклонного и строгого исполнения Конвенции становится одной из важнейших обязанностей российского государства. Данное положение предполагает активное познание норм международного права, в том числе через их толкование.

Толкование нормативно-правовых норм имеет место в тех ситуациях, когда в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности происходят различные юридические случаи, требующие уяснения и разъяснения точного понимания и содержания предписаний правовых норм. В «российских реалиях речь должна идти не столько о создании новых оснований, сколько об обеспечении за счет коррекции рестриктивных подходов правоприменительной практики полноценного функционирования уже существующих» [Савельев А.И., с.174]. Еще до вступления в Совет Европы, а именно с момента принятия Конституции 1993 г., началась бурная законодательная активность, которая существенно изменила правовой порядок в России, правовой статус личности.

Таким образом, в рамках российской практики правоприменения, в том числе при защите прав человека и бизнеса, важно толкование как внутреннего, так и международного права.

Кроме того, огромное значение имеет толкование норм права при реализационной деятельности, поскольку она производится полномочными на то органами государственной власти.

Цель работы - проанализировать проблемы толкования внутреннего и международного права в российской правоприменительной практике при защите прав человека и бизнеса.

Указанная цель сопровождается постановкой и последовательным решением следующих исследовательских задач:

- определить понятие и значение толкование права в правоприменительной деятельности;
- рассмотреть виды и способы толкования права;
- охарактеризовать стадии толкования права в правоприменительной деятельности;
- выявить проблемы толкования нормативно-правовых актов РФ и норм международного права;
- выявить проблемы толкования и имплементации Европейской конвенции о защите прав и свобод человека;
- определить направления совершенствования толкования права в правоприменительной практике.

Объект исследования - толкование нормативно-правовых актов в (внутреннего и международного права).

Предметом исследования является изучение проблем толкования нормативно-правовых актов в правоприменительной практике при защите прав человека и бизнеса.

Краткая характеристика используемых источников говорит о том, что тема, представленная в настоящем исследовании, освещалась только фрагментарно. Отдельно – в основном в курсе теории государства и права – представлены работы по тематике толкования права, отдельно – по проблемам соотношения внутреннего и международного права и отдельным блоком идут работы, освещающие проблемы защиты прав человека и бизнеса.

Таким образом, мы можем определить однозначную новизну исследования, которая заключается в систематическом и комплексном исследовании проблем толкования внутреннего и международного права в

российской правоприменительной практике при защите прав человека и бизнеса.

Законы диалектической теории познания, категории и принципы, а также основывающиеся на ней общенаучные и частно-научные методы исследования составили следующую методологическую основу исследования:

- системного и структурного анализа;
- восхождения от абстрактного к конкретному;
- восхождения от общего к частному;
- метод сравнительного правоведения;
- метод исторического анализа;
- нормативно-логический метод;
- формально-юридический метод и другие.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, каждая из которых подразделяется на три параграфа, заключения, библиографического списка и приложений.

Во введении описывается актуальность темы исследования, определена цель и задачи работы, объект и предмет исследования, гипотеза, теоретическая и практическая значимость, теоретико-методологическая основа, а также приведены основные рабочие понятия и термины.

В первой главе «Теоретические вопросы толкования права и его значение для правоприменительной деятельности» раскрыты понятие и значение толкования права в правоприменительной деятельности, изучены виды и способы толкования права, а также рассмотрены стадии толкования права в правоприменительной деятельности.

Во второй главе «Проблемные вопросы толкования внутреннего и международного права в российской правоприменительной практике» проанализированы проблемы, возникающие при толковании как внутренних, так и международных норм, возникающих в правоприменительной практике российских судов; рассмотрены проблемы толкования и имплементации

Европейской конвенции о защите прав и свобод человека, предложены пути решения проблем, возникающих в процессе толкования права.

Заключение содержит краткое изложение выводов по теме работы и анализ выдвинутой гипотезы исследования.

В приложениях к настоящей работе содержатся справка о проверке выпускной квалификационной работы на заимствования, отзыв научного руководителя на настоящее исследование, рецензия и документы, подтверждающие наличие публикации по теме исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

1.1. Понятие и значение толкование права в правоприменительной деятельности

Процесс понимания (уяснение) и доведения до окружающих смысла (разъяснение) правовой нормы называется толкованием или интерпретацией. Анализ исследований показывает, что интерпретация правовых норм – это ответственный, сложный и неоднозначный процесс.

Толкование или интерпретация – это тонкий и сложный мыслительный процесс, направленный на выяснение смысла той или иной нормы права, заложенной законодателем, который играет важнейшую роль в формировании и развитии права.

В юридической литературе есть спорный момент по поводу того какой термин использовать: «толкование права» или «толкование нормы права». Термин «толкование права» охватывает широкий смысл, под которым можно понимать совокупность правовых норм, изложенных в нормативно-правовом акте. Поэтому невозможно интерпретировать всё право в целом. Погодаева К.В. считает целесообразным использовать термин «толкование норм права», под которым следует понимать выявление смысла конкретной правовой нормы для определенной категории дел.

Одна из главных задач толкования правовых норм состоит в том, чтобы определить, какой из возможных смыслов представляет собой верное юридическое значение, заложенное законодателем.

Толкование норм права – это уяснение для себя и разъяснение для других, то есть совершение действий, оформленных и доведенных до сведения других лиц.

При интерпретации правовой нормы субъект определяет её смысл, цель и направленность, прогнозирует последствия и действия правового акта, а также возможность реализации разъясняемой правовой нормы.

Объектом толкования выступает текст нормы права, включая преамбулу и общие положения, в целом текст законодательного акта.

Исторически сложившиеся традиции и обычаи, представляющих совокупность правовых норм, выраженных в законе выступают предметом интерпретации права.

Важной целью толкования является недопущение ошибок, связанных с применением той или иной правовой нормы посредством правильного, точного и единообразного понимания закона.

Необходимость толкования заключается в следующих причинах:

- общий характер норм права, которые необходимо применять к конкретным жизненным ситуациям;
- содержание в правовой норме текста нормативного акта специальных терминов, оценочных категорий, понятий естественных наук;
- расплывчатость формулировок текста правовой нормы, иногда двусмысленность, то есть несовершенство языка законодательного акта;
- частое употребление законодателем в тексте нормативно-правового акта таких выражений как «и т.п.», «и т.д.», «другие», «иные» и т.д.

Интерпретационная деятельность не вносит поправок и дополнений в действующее законодательство, она лишь уточняет и объясняет то, что заложено в тексте правовой нормы.

Процесс толкования является неотъемлемой ступенью, предварительным этапом реализации правовых норм. Толкование нужно для установления достоверности и области действия юридических норм, определения их места в общей системе правового регулирования. Поэтому целью толкования норм права является достоверное, точное и единообразное осмысление и применение закона, вычленение его сущности, которую законодатель вложил в словесную формулировку. «Толкование и конкретизация играют важную роль на всех стадиях правового регулирования, они часто имеют один объект (юридическая норма) и цель - приближение содержания конкретизируемой или толкуемой

нормы к конкретным жизненным обстоятельствам» [Власенко Н.А., Залоило М.В., С.43].

Разъяснение сути закона (правовых норм) играет существенную роль в правоприменительной практике, так как помогает единообразному пониманию и применению нормативно-правовых актов всеми субъектами права, помогает укреплению законности и стабильного правопорядка, охране прав и свобод всех субъектов права. «Так или иначе, нормы международных конвенций содержат общие ориентиры и принципы вышеуказанных вопросов, конкретное же воплощение происходит на основе национального законодательства каждого договаривающегося государства» [Быкова Е.В., Выскуб В.С., с.14]. Результативность толкования права во многом зависит от квалификационной подготовленности тех, кто производит толкование текста закона, следовательно, изучение проблем толкования в первую очередь важно для правоприменителей, поэтому значимую роль играет уровень правосознания и правовой культуры сотрудников правоприменительных органов, осмысление гражданами сути правовых норм.

В рамках настоящего исследования стоит отметить и практику обращения судов «напрямую к международно-правовым процедурам в сфере охраны промышленной собственности, разъяснения заявителям возможностей истребования охраны, основываясь на положениях международных договоров, а также использования сравнительно-правового метода в контексте толкования международно-правовых процедур» [Шахназаров Б.А.]. Желание российского законодателя и правоприменителя иметь шанс отмены арбитражного решения даже в том случае, если Россия не выступала местом арбитража, вполне объяснимо, поскольку путем расширения границ своего юрисдикционного поля российский правоприменитель получает сверхширокие полномочия и имеет возможность оценивать арбитражное решение, по существу.

Однако некорректное толкование международно-правовых норм может создать угрозу прозрачности и предсказуемости разрешения споров в международном коммерческом арбитраже.

Между тем в связи с проведенной в Российской Федерации третейской реформой, направленной на усиление поддержки деятельности коммерческого арбитража, некоторые нормы АПК РФ в отношении производства по делам об оспаривании решений третейских судов были преобразованы. В частности, был исключен и пункт 5 статьи 230 АПК РФ, который толковался российскими судами слишком расширительно и использовался в качестве инструмента для успешной отмены решений, вынесенных арбитражем за границей. На настоящий момент судебной практики по данному вопросу еще не сложилось, однако можно говорить о том, что российский законодатель сделал большой шаг вперед, поскольку в связи с исключением положений, предусмотренных пунктом 5 статьи 230 АПК РФ, отечественные суды фактически лишились инструмента для отмены решений, вынесенных иностранным арбитражем в случае применения материального российского права. В такой ситуации правоприменителю следовало бы придерживаться правильного толкования норм российского права, то есть толкования в соответствии с положениями международных конвенций, что безусловно будет способствовать укреплению авторитета российских судов и улучшению правовой среды в целом.

Сущность права - это основная внутренняя стабильная качественная характеристика права, которая раскрывает природу и цель права в обществе, именно поиск сущности права проходит при толковании права, особенно если это толкование, например, грамматическое (детальнее виды толкования будут проанализированы в п.1.2 настоящей работы). И поскольку право присуще волевому характеру, важно, чья воля выражает право, присущее всем временам, народам, различным обществам, не существует. О законе и его составе населения страны, исторических факторах, уровне правовой и политической культуры общества и т. д. Поэтому понятие сущности права не осталось неизменным на все времена. Однако «толкование позволяет вычленить особенности текущей редакции закона» [Великий Д.П., с.14], что однозначно положительно влияет на практику защиты прав человека и бизнеса.

При исследовании проблем толкования права неотъемлемо идти от общего к частному и изначально определить, что представляет собой право. Сущность права определяется следующими основными подходами:

1. Право выражает волю экономически господствующего класса и навязывает эту волю другим классам и социальным слоям, используя методы насилия, принуждения и репрессий. При таком подходе классовые интересы превалируют над интересами всего народа, а национальные интересы преобладают над всеобщими интересами. Это так называемый классовый подход к толкованию сущности права, характерный для марксистской науки, которая рассматривает право как социальный класс регулятора общественных отношений.

2. Право является средством достижения компромисса, средством достижения соглашения, средством согласия, взаимных уступок и, в общем, связано с принуждением. Это абсолютно неотъемлемо в случае неправового регулирования. Но главным образом правые методы - это методы согласия и компромисса.

Аналогичным образом и международные договоры, заключенные по вопросам, например, гражданского процесса, содержат нормы международного права, «которые одновременно можно рассматривать и как нормы внутренние, поскольку они не просто оказывают влияние на национальное судопроизводство, но и являются регулятором гражданских процессуальных правоотношений, реализуемых в российских судах» [Самсонов Н.В., с. 7]. Такой подход влияет и на механизм толкования международных норм. Однако нельзя не отметить, что нормы международного права в последнее время трактуются не всегда корректно, особенно в рамках деятельности ЕСПЧ, так как не свободны от политической составляющей и сложная обстановка в современном мире, обусловленная завершением периода доминирования США на мировой арене и становлением многополярной системы международных отношений, характеризуется усилением конкуренции на глобальном уровне между ведущими мировыми державами.

При анализе значения толкования внутреннего и международного права неотъемлемо отметить, что функции закона являются основными направлениями судебного иска, выражающими роль права в регулировании общественных отношений. С помощью понятия функции права можно узнать о судьбе прав в обществе, его динамике, действии. Функции закона рассматриваются в двух плоскостях, в привязке к тому, охвачены ли они в специальном правовом (узком) или общем (более широком). Если мы следуем более широкому смыслу правовых функций, то среди них можно выделить, например, экономические (право организует производственные отношения, укрепляет формы собственности и т. д.), а также политические (регулирует политические отношения, регулирует деятельность субъектов политической системы и т. д.). Существуют функции образовательные (отражают определенную идеологию, оказывают конкретное педагогическое воздействие на индивидов, связан с формированием мотивов легитимного поведения среди субъектов), коммуникативным и между субъектом и объектом управления).

Следовательно, чаще всего круг случаев, когда истец может прибегнуть к иску о признании права отсутствующим, разумно надеясь на его удовлетворение, считается цивилистами замкнутым и ограниченным функциональным наполнением права – например, «ситуациями, когда право на имущество, являющееся недвижимым, зарегистрировано за истцом» [Болдырев В.А., с.33].

В правоприменительной практике применение норм права тесно связано с толкование данных норм – как международных, так и внутренних, в том числе в российской практике – с деятельностью суда, что будет неоднократно подчеркнута в рамках настоящего исследования. «Истец иском выражает понимание нормы права и выступает к ответчику с определенными требованиями, ответчик, возражая относительно требований истца, также высказывает понимание нормы права. Но поводом к толкованию норм служит первоначально деятельность истца, который представляет в суд иск и в нем выражает понимание нормы права» [Иванова Т.В., с.47]. В этой связи

ограничение прав и свобод ответчика с помощью внутренних и международно-правовых средств, в целях сохранения и укрепления важных общественных ценностей, явление неотъемлемое и неизбежное.

«Очевидно, что правовая система не может не реагировать на случаи отступления от принципа единства права в виде неоднозначности толкования правовых норм» [Шарнина Л.А., с.7], что приводит к неотъемлемости опираться на некий внешний ориентир, которым выступает международное право. Важным и наиболее актуальным вопросом для международного права в качестве инструмента обеспечения преемственности и стабильности многополярного мира является соблюдение и защита прав и свобод человека. Сегодня мы имеем сложившуюся, гармонично функционирующую систему основных прав и свобод человека, предопределяющую прогрессивное развитие общества. Реализация закрепленных в международном праве прав и свобод человека не может наносить вред правам и свободам других лиц, интересам общества и государства. Положения Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, указывают на неотъемлемость дальнейшего совершенствования международно-правовых норм и стандартов, закрепляющих основные права и свободы человека и пределы их ограничения, и, как следствие, эволюцию национального законодательства государств, в части реализации основных прав и свобод человека. Сегодня научная парадигма в области прав человека, в том числе при толковании норм права в целях их защиты, зиждется на аксиоме неотъемлемости и неизбежности ограничения прав и свобод человека, во имя не менее значимых ценностей мирового сообщества и такие ограничения приобретают особое значение.

Таким образом, надобность в толковании правовых норм образуется, во-первых, в связи с тем, что нормы права носят обобщающий и абстрактный характер и не всегда ясна их суть (содержание), в то время как реальные общественные отношения всегда определены, имеют ряд индивидуальных признаков.

Следовательно, целями толкования являются:

- правильное понимание смысла нормы права, единообразное применение закона,

- выявление смысла нормы, заложенного законодателем в словесную формулировку и призвано противодействовать любым попыткам отойти от истинного смысла правовых норм.

Следует сделать вывод, о том, что толкование норм права имеет огромное и важное значение, которое заключается в следующем:

- толкование повышает уровень правосознания и правовой культуры;
- в результате интерпретации правовых норм выявляются коллизии и устраняются пробелы в законодательстве;
- толкование способствует эффективной реализации правовых норм;
- позволяет правильно и единообразно понимать, и применять на практике нормы права.

1.2. Виды и способы толкования права

Толкование права неоднородно и включает в себя различные виды и способы. «Под видом толкования могут преобразовываться сфера действия принятых в законодательном порядке актов, издаваться нормы вразрез с принципом законности, и такая практика вуалирования правотворческой и правоконкретизирующей деятельности посредством актов толкования должна решительно отвергаться» [Поляков С.Б., с.17]. В первую очередь толкование права можно разделить на официальное и неофициальное. Официальное толкование - это разъяснения скрытого смысла норм права, которые дают специально уполномоченные на это государственные органы. Официальное толкование подразделяется, в свою очередь, на:

- 1) нормативное,
- 2) казуальное.

Следует детализировать особенности данных подвидов толкования норм права:

1) «Нормативное толкование имеет общий характер, т.е. оно обязательно для определенного вида общественных отношений (категории дел); казуальное - обязательно для конкретной ситуации (данного дела). верным видом толкования следует признать специально-юридическое толкование, адекватное по объему содержанию правовых норм» [Фетисов А.К., с.59].

Нормативное толкование - это разъяснение, даваемое в целях устранения ошибок в понимании акта и обеспечения его единообразного применения.

В качестве примера нормативного толкования можно привести постановление Пленума Верховного суда РФ № 17 от 14 июня 2018 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»

Нормативное толкование имеет несколько видов:

- аутентическое (аутентичное),
- легальное (делегированное, когда компетентный орган в результате делегирования ему соответствующего права толкует норму).

«Аутентическое толкование представляет собой разъяснение нормативного акта органом, его принявшим («аутентический» означает «подлинный», «основанный на первоисточнике»). Правом аутентического толкования обладают все нормотворческие органы, издавшие соответствующий акт.

В качестве примера аутентичного толкования можно привести подзаконный акт, разъясняющий вопросы, связанные с применением основного закона, например, ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Легальное или делегированное толкование предполагает дачу разъяснения нормативного акта иным уполномоченным на то органом, который не принимал акт, подлежащий толкованию» [Залоило М.В., Ибрагимова Ю.Э., с.78].

Примером легального толкования служат разъяснения Конституционного суда РФ, разъяснения Верховного суда РФ по вопросам применения

законодательства при рассмотрении конкретных судебных дел, в которых разъясняются вопросы, вызывающие сомнения и неясности у судебных органов, порождают ошибки и неправильные решения.

Например, Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 N 39-П "По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева.

2) Казуальное толкование права также имеет свои особенности. «Следует иметь в виду, что казуальное толкование не сводится только к прямым разъяснениям и может быть сделано в скрытом виде, например в решении суда» [Василевич Г.А., с.5]. В результате общетеоретического, межотраслевого анализа положения суда и судебной практики, исследования актов судебной практики в порядке реализации норм различных отраслей права можно сделать вывод концептуального характера: статус суда, его полномочия, организационные и процессуальные формы деятельности, а также природа судебной практики, ее место и роль в правовой системе современной России существенно отличаются (в положительную сторону) от предшествующего, советского, периода существования нашего государства. Так, иммунитет в отношении мер по обеспечению иска обязывает суд, в котором рассматривается дело с участием иностранного государства, воздержаться от применения мер принудительного характера, таких как арест, секвестр и т.д., по отношению к имуществу иностранного государства до вынесения решения данного суда. Юрисдикция на исполнение решения охватывает вынесение и принудительное исполнение исполнительных документов или судебных запретов против государства с помощью таких средств, как реституция, убытки, компенсация и т.д. Судебный иммунитет иностранного государства может быть в соответствии с законом ограничен исключениями, в то время как иммунитет от исполнения в

отношении данных решений носит более абсолютный характер. Применение принудительных мер к государству и его имуществу включает в себя различные механизмы, в том числе и более агрессивные, чем привлечение к ответственности национальным судом или международным арбитражем.

При казуальном толковании права роль, значение суда и, как следствие, судебной практики в правовой системе возросли многократно, в связи с чем судебная практика заняла в ней более важное, чем прежде, место.

Примером казуального толкования могут выступать разъяснения о применяемых нормах и принятых на их основе решениях, содержащиеся в определениях коллегии Верховного Суда РФ по отдельным делам.

Гражданин А. похитил и уничтожил паспорт и водительское удостоверение гражданина В., за что гражданин А был осужден. Преступное деяние, совершенное гражданином А было квалифицировано по ч. 1 ст. 325 УК РФ как «совершенное из личной заинтересованности похищение официальных документов». Рассмотрев указанное дело Верховный суд РФ разъяснил, что похищенные паспорт и водительское удостоверение гражданина А. являются важными личными документами и переквалифицировал данное деяние по ч. 2. Ст. 325 УК РФ как «похищение у граждан важных личных документов».

Казуальное толкование отличается от нормативного толкования тем, что:

- Задачи указанных видов толкования направлены на преодоление неопределенности в понимании правовых норм, при нормативном толковании задачей органа является установление смысла предписаний и его разъяснение, в то время как при казуальном толковании эта деятельность направлена на правильное решение дела;
- Процедура казуального и нормативного толкования отличаются;
- Казуальное толкование по сути проводимых действий включает и определение материальных условий реализации правовых норм. Понятно, что при нормативном толковании такая стадия вряд ли присутствует;
- Нормативное толкование распространяется на неопределенное число ситуаций без привязки к конкретному случаю, казуальное толкование

расчитано только на конкретную ситуацию, которая стала предметом определенного разбирательства. Однако приведенные утверждения необходимо корректировать по отношению к судебному казуальному толкованию, которое формально связано с конкретными обстоятельствами дела, но фактически может действовать как прецедент;

– Является существенным различие сравниваемых видов толкования по юридическим последствиям.

Неофициальное толкование – вид толкования, который даётся не уполномоченными на то лицами (юристами практиками, учеными-правоведами, гражданами) и подразделяется на доктринальное, обыденное и профессиональное.

Обыденное толкование – даётся любыми лицами (гражданами), не являющимися специалистами в области юриспруденции ни с точки зрения науки, ни с точки зрения практической деятельности, которое является элементом общественного правосознания и оказывает влияние на правомерное поведение участников правоотношений.

Результаты обыденного толкования могут представляться в виде мыслительных процессов или устной речи.

В качестве примера обыденного толкования могут выступать жалобы граждан в суды, в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Один из наиболее ярких примеров рассматриваемого вида толкования - жалоба военнослужащего Константина Маркина, где заявитель приводит доводы о том, что некоторые положения ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и ФЗ «О статусе военнослужащих», противоречат Конституции РФ. По мнению заявителя, указанные федеральные законы противоречат Конституции РФ, в части отказа военнослужащим-контрактникам, имеющим малолетних детей, в получении пособия и отпуска по уходу за ребенком. К. Маркин посчитал такое положение дел дискриминационным по

отношению к мужчинам и нарушающим права гражданина, в частности, право на заботу о детях.

Доктринальное толкование - толкование, которое даётся учеными правоведами. Результатом такого толкования выступают комментарии к кодексам и законам, научные публикации ученых-юристов.

Профессиональное толкование – толкование, даваемое юристами-практиками, прокурорами, судьями, адвокатами. Например, консультация гражданина в адвокатской конторе.

Толкование по объёму (результат толкования) связано с интерпретационной деятельностью. При этом основной целью толкования является раскрытие содержания нормы права применительно к конкретной ситуации, связанной с квалификацией юридических фактов. Толкование по объёму делится на три вида:

- буквальное (адекватное) – текстовая формулировка правовой нормы и её действительный смысл совпадают; то есть точное соответствие со смыслом текста законодательного акта;

- ограничительное – правовой норме придается более узкий смысл, чем это вытекает из буквального текста толкуемой нормы;

- расширительное (распространительное) – правовой норме придается более широкий смысл, чем это вытекает из ее словесной формулировки.

Буквальное (адекватное) толкование подразумевает толкование нормы права в точном соответствии со смыслом текста правовой нормы, содержащейся в нормативно правовом акте. Настоящее содержание правовой нормы, которое установлено в процессе толкования, соответствует итоговому содержанию, полученному в результате прочтения текста нормативно правового документа где дух закона полностью совпадает с его буквой. Данный вид толкования не порождает разногласий и споров. Содержание закона и его редакция должны совпадать.

Например, в п. 1 ст. 27 ГК РФ говорится о том, что в случае, если несовершеннолетний, достигший шестнадцатилетнего возраста работает по

трудовому договору или контракту, либо с согласия законного представителя (родителей, усыновителей, попечителей) занимается предпринимательской деятельностью может быть признан полностью дееспособным.

Одновременно с этим бывают случаи, когда буквальное понимание используемой в тексте закона терминологии может привести к искажению того смысла, что была заложена законодателем. В качестве примера можно привести ряд случаев из правоприменительной практики. Так, решением Шахунского районного суда Нижегородской области №2-1012/2014 от 10 июля 2014 года суд удовлетворил требование Шахунской городской прокуратуры к Совету депутатов г. Шахунья Нижегородской области о приведении Положения «О муниципальной службе в городском округе город Шахунья Нижегородской области» в полное соответствие с требованием Федерального закона от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Федерального закона от 2 марта 2007 года №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ред. от 04.03.2014). В частности, одним из замечаний являлось отсутствие в данном Положении запрета на получение муниципальными служащими подарков. Практически одновременно с этим Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской Республики решением №2-718/2014 от 10 июня 2014 года обязал администрацию Гюрюльдеукского сельского поселения разработать и принять нормативный правовой акт, утверждающий порядок получения подарков в связи со служебной деятельностью и признания их собственностью муниципального образования.

На примере этих двух судебных решений видно, как орган государственной власти, при толковании нормы права ограничивают или расширяют ее. К ограничительному толкованию, при котором действительное содержание нормы права несколько уже ее текстуального выражения, прибегают в тех случаях, когда по смыслу правового предписания видно, что ее автор старался ограничить действие правовой нормы. Так, п. 3 ст. 38 Конституции РФ «трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться

о своих нетрудоспособных родителях», может быть истолкован как освобождение от соответствующей обязанности лиц, не достигших возраста совершеннолетия.

Расширительное толкование напротив, применяется, когда действительное содержание нормы права шире её словесной формулировки. Обычно оно опирается на использование выражений «и другие», «и прочее», «и так далее». Так, в ст. 153 ГК РФ признает сделками только те действия граждан и юридических лиц, которые влекут гражданско-правовые последствия. Однако ст. 124 ГК РФ оставляет право на заключение сделок также за государством и муниципальными образованиями, которые юридическими лицами не являются. Таким образом, одна статья Гражданского кодекса позволяет расширить толкование другой. Другой пример. Ст. 1068 ГК РФ предусматривается ответственность за вред, «причиненный гражданину... в результате незаконных действий государственных органов...». При буквальном толковании можно прийти к выводу, что государственные органы не несут ответственности за причинение вреда иностранцам и лицам без гражданства. Однако в данном случае понятие «гражданин» принято толковать расширительно, приравнивая его к «физическому лицу».

И все же, ограничительное и расширительное толкование являются, скорее, исключением из общего правила. Они необходимы лишь в случаях несоответствия словесной формулировки нормы права её действительному смыслу либо при наличии других правовых норм, уточняющих или поясняющих предыдущую. Во всех прочих случаях подобное толкование нарушает принцип законности. Толкование в целом исходит из текста нормы права, когда данный смысл предполагается, но не выражен прямо. Это и отличает толкование от применения закона по аналогии, к которому прибегают при полном отсутствии необходимой нормы права.

Также ограничительное и распространительное толкование правовых норм можно рассматривать как часть общей правовой системы, позволяющей раскрывать смысл толкуемой нормы на основе содержания иных правовых

норм. Расширительно толкуются обычно незавершенные положения норм, связанные с аналогичными условиями, обстоятельствами или с определенными предполагаемыми категориями субъектов. Нельзя ограниченно толковать незавершенные перечни, а завершенные – расширительно. Так же нельзя применять оба этих подхода к легальным дефинициям. В ряде случаев законодатель сам указывает допустимость применения расширительного или ограничительного подхода, например, давая исчерпывающий перечень обстоятельств или предоставляя решение спорного вопроса суду.

Среди способов толкования права в первую очередь неотъемлемо выделить толкование и объяснение. Понимание и объяснение - это два взаимосвязанных аспекта единого процесса толкования правовых норм.

Систематическое толкование является неотъемлемым условием правильной квалификации судебных дел. Без систематического метода толкования невозможно понять содержание большинства норм

Примером логического толкования является формулировка правовой нормы, составные части которой содержатся в разных статьях правового акта или даже в разных правовых актах. Например, статья 105 УК РФ гласит, что убийство, то есть умышленное причинение смерти другому лицу, наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет. Наказанием является не само убийство, а лицо, его совершившее. Предмет этого преступления определен в общей части Уголовного кодекса Российской Федерации: уголовной ответственности подлежит только дееспособное физическое лицо, достигшее возраста, установленного Уголовным кодексом. Дело в том, что внутренняя структура правовой нормы не всегда сходна с ее внешней формой, выраженной в статье нормативного акта. Компоненты правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция) могут быть найдены в других статьях нормативного акта или в других нормативных актах.

Эти способы толкования правовых норм тесно связаны между собой. В реальной практике не всегда неотъемлемо применять все эти принципы в одинаковой степени для того, чтобы понять содержание нормы права. Зачастую

правоприменитель ограничивается только грамматическим толкованием. Однако в ряде случаев единый метод толкования закона не позволяет правильно понять его содержание. Все эти методы интерпретации должны быть применены. Только их совместное использование поможет ясному и правильному пониманию сути правовой нормы.

Классический пример правильной эволюционной интерпретации - рабство. Если рабство считалось нормальным в прошлом, это не значит, что оно было правильным для той эпохи. Даже в то время рабство было явлением отвратительным по своей сути и противоречащим человеческой природе, несмотря на то, что оно поощрялось многими развитыми государствами. Несомненно, в то время были люди (не только сами рабы, но и свободные граждане), которые были против рабства. Это означает, что такая эволюционная трактовка несовместима с традиционным подходом советской школы теории государства и права, в основе которого лежит допущение справедливости права для каждой исторической эпохи. Такой подход (он все еще существует) должен быть признан антиэволюционным. Она не признает, что закон совершенствуется постепенно, вместе с развитием наших знаний о действительности и, в данном случае, со знанием справедливости.

В обобщенном виде познание реальности постоянно и не знает границ, это бесконечный процесс, то есть эволюционная интерпретация существует благодаря познанию реальности.

В своей конкретике эта парадигма существует благодаря концепции фундаментальных прав и свобод человека. Не подумайте, что мы ходим вокруг да около этих самых прав и свобод. Нет, они сами по себе являются частью идеологии. Благодаря такой концепции исследователь (наблюдатель) смотрит на мир под иным углом зрения. Он оценивает все факты действительности с точки зрения вмешательства в сферу личных и гражданских прав и свобод. Подобная дополнительная опция придает особую четкость изображению. Глядя под таким углом, начинаешь замечать несправедливость там, где ее не замечал, хотя явление само по себе не изменилось. Это задает направление всему

процессу развития права в сторону его гуманизации, и данный процесс происходит на самом деле. Исследователи выделяют несколько черт социалистической правовой традиции:

1) гиперпозитивизм - приоритет буквального (лингвистического и логического) толкования; иные виды толкования (функциональное и системное) могут применяться только в случае, если буквальное толкование явно не дает результата;

2) ограниченность права - право охватывает только нормативные правовые акты государства, не включая право, творимое судьями, общие принципы права и обычное право;

3) инструменталистский подход к праву - право является инструментом государственной власти [Лазарев С.В., с.67].

Столкновение концепций и доктрин является нормальным явлением в процессе познания действительности. Позволю себе одно отвлеченное сравнение. На данном этапе развития научного изучения космоса считается общепризнанным факт постоянного расширения Вселенной. Физическая наука исходит из концепции Большого взрыва и считает расширение Вселенной бесконечным процессом: галактики постоянно удаляются друг от друга [Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М.В. Агальцова, Т.К. Андреева, Е.Е. Баглаева и др., с.193].

Толкованию с позиции сегодняшнего дня противостоит толкование с позиций основателей концепции. Последних, например, в Соединенных Штатах называют оригиналистами. Оригиналистов легко критиковать, поскольку они стараются придерживаться буквального толкования текста документа. Если там не написано про официальное признание семейных отношений гомосексуалистов, значит, этому не быть никогда. Такой подход в нашей стране можно было бы назвать примером позитивизма. И оригинализм, и позитивизм, к сожалению, все еще существуют и в теории, и на практике. Они не слишком опасны, поскольку не используются радикальными движениями, но они

препятствуют развитию общественных отношений и развитию правовой науки. Эволюционное толкование тоже не имеет твердой доктрины, и Европейский суд может менять подход к толкованию при принятии решений. Человечество развивается и с развитием меняются условия эффективности реализации прав человека. Такие условия, естественно, развиваются и, в ряде случаев, расширяются или усложняются. Следует отметить, что новые технические и научные разработки также влияют на средства, находящиеся в распоряжении государства, частных предприятий и отдельных лиц. В результате характер и объем нарушений прав человека, а также условия, которые нужно соблюдать, чтобы защитить эти права, находятся в состоянии постоянного изменения и требуют непрерывного пересмотра. Все, как всегда, упирается в качество правосудия. Поэтому примеров вершин судебной мысли по-прежнему немного.

Конституционный Суд Российской Федерации, помимо классических способов толкования использует в своей деятельности также ограничительный, расширительный, системно-сравнительный, «конформный» и проконституционный способы толкования [Кажлаев С.А.с.35].

По общепринятым правилам толкования норм права недопустимо расширительное толкование исчерпывающих, законченных перечней (обстоятельств, субъектов и т.д.); санкций; положений, составляющих исключение из общего правила. Кроме того, не подлежат распространительному толкованию термины, определенные легальной дефиницией, если такое толкование выходит за ее рамки. Приведем конкретные примеры запретов расширительного толкования норм права. Так, к соглашению о неустойке законом предъявляются самостоятельные требования, в связи с чем расширительное толкование ее условий, как отмечено Верховным Судом РФ в Определении от 07.06.2017 № 302-ЭС17-6131 по делу № А19-17717/2015 [СПС КонсультантПлюс], не допускается. Санкция может быть взыскана только за то нарушение, которое непосредственно указано в соглашении и в действительности было допущено.

Дефицит конституционного правопонимания нередко сочетается и с углубленными познаниями по вопросам теории и методологии права, сведенной к формату аналитической юриспруденции. В частности, это касается толкования права, включая дифференциацию способов (техник) и видов такой юридической деятельности [Крусс В.И., с.17].

Таким образом, толкование нормы права содержит два основных элемента: понимания и объяснения смысла нормативного предписания. Понимание закона происходит во всех ситуациях, когда субъекты раскрывают содержание правовых норм для себя в целях их реализации, то есть устанавливают свои права и обязанности, содержащиеся в правовой норме, а разъяснение - в случаях, когда должностное лицо правоприменителя доводит до всех субъектов аутентичный текст закона (нормы), который был бы выражен законодателем.

1.3. Стадии толкования права в правоприменительной деятельности

Обязательными элементами интерпретации правовой нормы являются уяснение смысла толкуемой нормы и разъяснение содержания этой нормы.

Вопрос о структуре толкования не нашел единого мнения среди ученых. Б.В. Щетинин, С.И. Вильнянский, В.В. Суслов и другие считают, что интерпретационная деятельность состоит из мыслительных операций, направленных на уяснение смысла нормы права.

Группа других ученых под интерпретацией понимают лишь разъяснение смысла нормы права.

С.С. Алексеев, В.О. Лучин, Т.Я. Хабриева, Б.П. Спасов и другие в структуре толкования выделяют как уяснение смысла нормы права, так и разъяснение её смысла, заложенного субъектом правотворчества.

С.С. Алексеев утверждает, что первая часть толкования – обязательна, а вторая – необязательна. Чаще всего на практике каждая часть процесса интерпретационной деятельности имеет место, так это необходимо для

реализации правовых норм в практической деятельности [Алексеев С.С., с. 152].

По мнению Абдулаева М.И. помимо уяснения (для себя) и разъяснения (для других) выделяется и выявление смысла правовой нормы на основе анализа соотношения «буквы» и «духа» закона, т.е. объема понимания и буквального смысла её текста.

Актуальность вопроса о стадиях толкования объясняется еще законодательным регулированием этапов правотолковательной деятельности. Так, «каждая стадия судопроизводства (первая, апелляционная, кассационная, надзорная) имеет свои особенности толкования норм права, как примененных, так и подлежащих применению, или формулирования нового понимания смысла примененной (применяемой) нормы права» [Гук П.А., с.72]. Экспертная оценка способствует установлению реального эффекта регулирующего воздействия принятых правовых решений на экономику, социальную сферу, окружающую среду, полноценной реализации полномочий органов и организаций в областях публичного и частного права, защите прав и законных интересов граждан. Обобщая научно-практическую пользу междисциплинарного исследования, можно сделать вывод о том, что основная ценность лежащего в основе такого исследования подхода заключается в его способности раскрыть и юридические, и социальные источники судебной практики в качестве целостного образования. Широкий подход нацеливает на восприятие мониторинга судебной практики как одного из элементов более сложного механизма - правового мониторинга.

Должны получить развитие глобализационные аспекты развития судебной практики. Сегодня имеют место вариации правовых систем, содержащие черты и континентального, и англо-американского права. Большое значение приобретают нормы мусульманского права. Все это не может не сказываться на специфике рассмотрения судебных дел как в публично-правовой, так и в частноправовой сфере.

Результаты исследования отраслевых проблем весьма разноплановы и соответствуют специфике отраслей, уровню развития законодательства, его обновлению и т.д. Например, надо обязательно учитывать динамику судебной практики в связи с особенностями уголовного права и уголовного процесса и частым изменением действующих норм, встроенностью норм в правоохранительную систему и уголовно-правовую политику. Приобрели актуальность проблемы соотношения норм УК РФ, КоАП РФ, УПК РФ и КАС РФ.

Прогнозы востребованы и относительно усиления гарантий трудовых прав, развития социального, природоресурсного и природоохранного законодательства и др. Общий вывод здесь сориентирован на обеспечение принципов определенности и стабильности судебной практики.

Выводы касаются, во-первых, соотношения судебной практики и действующего законодательства; во-вторых, соответствия практики концептуальному и прогнозному видению развития законодательства; в-третьих, вычленения общей роли суда в регулировании общественных отношений и преодолении в ходе судопроизводства недостатков законодательства; в-четвертых, воплощения позитивных наработок судов в законодательстве.

Толкование нормативного акта является важной стадией применения права. Нельзя признать законным решение суда, основанное на ошибочном понимании смысла закона. В настоящее время активно развивается юридическая наука, совершенствуется законодательство с тем, чтобы препятствовать явлению неверного толкования закона. При анализе тенденций и направлений развития системы международного права в XXI веке нельзя не отметить влияние технического прогресса на развитие международного права. В связи со стремительным внедрением в повседневную жизнь электронного информационного обмена, носящего глобальный характер, законодатели не успевают своевременно регулировать их практическое применение. Парадоксально, но факт: современная теория прав человека так, как она

выражена в международном праве, практически не учитывает вызова нарастающей глобализации, особенно ощутимой в информационных технологиях или в появлении международных правозащитных и экологических движений. Правда, в последние годы стали появляться труды, которые уже поднимают проблемы глобализации применительно к проблематике прав человека.

В контексте отечественного исторического опыта идея приоритета международно-правового регулирования прав и свобод человека - надежная гарантия от произвола со стороны государства. «Отсутствие фундамента в сфере правозащиты в виде устойчивых либеральных традиций и исконно присущий дрейф в сторону эксплуатации человека и его подчинения государству компенсируется внешними ограничениями в форме верховенства международно-правовых обязательств государства» [Лихачев М.А., с.30]. Правовое регулирование строится на принципе правомерных ожиданий, диктующем поведение субъектов в их взаимоотношениях: правовая определенность и взаимность обеспечивают стабильность динамичных связей и разумную гибкость правореализации.

Тем не менее, судебное толкование может содержать элементы нового понимания законодательных актов. Анализ и обобщение судебной практики при таком толковании дают возможность давать рекомендации по внесению изменений в законодательные акты. Однако «проведенный анализ позволяет сделать вывод о теоретической неопределенности в данном значимом для правовой науки и практики вопросе, что осложняет правоприменительный процесс» [Желдыбина Т.А., с.19]. Достижения научно-технической сферы в вопросах защиты прав человека применяются двояко. Так, правительства и спецслужбы при этом получают еще больший контроль над передаваемой информацией. Кроме того, относительная непринужденность, с которой теперь информация может быть сообщена почти мгновенно широкому кругу людей, повышает уровень опасности, появляющейся из-за распространения неправильной или искаженной информации, т.е. дезинформации.

Судебная практика во многом определяет вектор сбалансированности процесса законотворчества. Исследование показывает положительные эффекты мониторинга законодательных и правоприменительных актов, закрепление соответствующих обязанностей правовыми актами высокой юридической силы. Однако неотъемлемо доктринальное и нормативное сопровождение работы по внедрению наработок судебной практики. Таким образом, результаты воздействия научно-технического прогресса на права человека в основном зависят от реализации права на информацию и свободу самовыражения.

Суд - один из субъектов, осуществляющих в правовом порядке коммуникативную функцию. «На каждой из этих стадий происходит адресация к форме толкования права» [Залоило М.В., Ибрагимова Ю.Э., с.78]. Существует неотъемлемость создать некие алгоритмы, запрограммировав тем самым деятельность судей, и обозначил шесть стадий рассмотрения дела при толковании права в рамках правоприменительной практики:

- вводная стадия;
- определение фактических обстоятельств, подлежащих установлению по делу;
- доказательство фактических обстоятельств;
- выбор противоположных толкований фактических обстоятельств участниками спора;
- выбор нормы права при установлении коллизий;
- определение пробела в праве и способа его преодоления.

Таким образом, на первой стадии толкования норм внутреннего и международного права происходит уяснение лингвистического смысла соответствующей нормы (то есть интерпретация или толкование в широком смысле).

Вторая же стадия толкования подразумевает квалификацию правового смысла соответствующей нормы применительно к фактическим обстоятельствам дела, затрагивающим права конкретного заявителя (толкование в узком смысле).

Следовательно, в правотворческой и правоприменительной практике толкование норм права имеет особенное значение, так как от того или иного понимания определённой правовой категории зависит правильность вынесения решения по конкретному судебному спору. На практике случаи не правильного принятия судебных актов не редкость и поэтому компетентность и профессионализм законодателя и интерпретатора позволяют качественно определить понимание смысла правовой нормы.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

2.1. Проблемы толкования нормативно-правовых актов РФ и норм международного права

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью правовой системы Российской Федерации, поэтому Европейскую конвенцию о защите прав и свобод человека можно отнести к числу самостоятельных источников конституционного права среди международных договоров России (детальнее проблемы толкования и имплементации Европейской конвенции о защите прав и свобод человека рассмотрены в п.2.2 настоящего исследования).

Изменение социально-экономического фона функционирующей системы правоотношений в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, а также юридических лиц (бизнеса) не могло не сказаться на системе толкования закона в правоприменительной деятельности как в отношении российского, так и международного законодательства.

Судебная защита прав и свобод человека в наше время особенно актуальна. Значение решений, принимаемых ЕСПЧ, и их влияние на национальные правовые системы и функционирование национальных судебных органов - одна из тех тем, к которой уже давно уделяется пристальное внимание и изучению. Унификация стандартов в области прав человека и создание эффективных механизмов обеспечения и защиты этих прав, относится к числу ключевых задач.

Увеличивается количество примеров, в которых то или иное решение ЕСПЧ влечет за собой конкретные изменения не только в отдельных делах, то есть происходит изменение судебной практики.

Несмотря на вхождение в состав Совета Европы, согласно которому Российская Федерация должна неуклонно исполнять все статьи и нормы Конвенции, в «определенных политических делах» окончательное слово остается именно за национальным судом.

Все также заключенные жалуются на переполненные камеры, жестокое обращение, на отсутствие независимых судей и т.п. К отрицательным моментам также следует отнести высокие требования к приемлемости заявлений ЕСПЧ. Около 90 % жалоб не доходят до рассмотрения ввиду признания их неприемлемости по таким параметрам, как некорректное оформление жалоб [Быкова Е.В., Выскуб В.С., с.14]. Тем самым заявители лишаются возможности защитить свои права от произвола государства – нарушителя Конвенции. Также следует отметить длительные сроки по вынесению решения по жалобе заявителя в случае признания таковой приемлемой.

Судебная защита прав и свобод человека в наше время особенно актуальна. Правда, вопрос о расхождении оценки Конституционным Судом РФ решений ЕСПЧ не является новым. Как следствие, по ряду принципиальных позиций российского права КС РФ сформированы несколько иные сущностные и смысловые подходы, чем те, которые объективированы в итоговых актах ЕСПЧ.

Основу Европейской конвенции, ее, образно говоря, костяк составляют, по замыслу творцов Конвенции, так называемые «абсолютные права» - неотъемлемые права, не подлежащие никаким ограничениям. Этим правам посвящены первые статьи Конвенции: статья 2 - «Право на жизнь», статья 3 - «Запрещение пыток», статья 4 - «Запрещение рабства и принудительного труда», статья 7 - «Наказание исключительно на основании закона». Логично отнести к этой категории прав защиту от применения к лицу смертной казни (Протоколы № 6 и 13 к Конвенции). К этим правам применимо понятие *jus cogens* (императивная норма) в международном праве.

Особый статус этих прав закреплен частью 2 статьи 15 Конвенции, запрещающей какое-либо отступление от основных положений этих статей.

Следует тем не менее отметить, что включение в преамбулу Конвенции Протоколом № 15 положения о «поле усмотрения» (лукаво переводимом как «свобода усмотрения») государств «в том, что касается способов, которые они применяют, выполняя конвенционные обязательства» дает основание толковать это положение как применяемое ко всем статьям Конвенции, что входит в противоречие с духом и буквой статьи 15. На это обращал внимание тонкий знаток Конвенции и практики Европейского суда профессор из Монпелье Фредерик Сюдр: «Протокол № 15 к Конвенции предписывает государствам-членам отныне самим определять границы свободы своего усмотрения. И, надо думать, они не станут лишать себя удовольствия в полной мере пользоваться прерогативой, которая предоставляет им возможность в очень широком диапазоне реализовывать свободу действий...»[Сюдр Ф., с.12].

В отношении «абсолютных прав» ЕСПЧ исходил и продолжает исходить из естественно-правовой традиции, восходящей к древним грекам и гуманистам, защищающей человеческое достоинство и физическую целостность человека. Без освоения хотя бы части этой традиции невозможно понять логику норм-ориентиров Европейской конвенции, особенно в части закрепленных в ней «абсолютных прав».

Нет неотъемлемости давать развернутый комментарий каждой из статей Конвенции, закрепляющей «абсолютные права» человека. Этому посвящены фундаментальные коллективные труды, в том числе переведенные на русский язык [Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К.].

Так, проблема смертной казни и ее полной отмены как в мирное, так и в военное время оставалась одним из приоритетов Совета Европы. Каждое государство, вступая в Совет Европы, берет на себя обязательство по меньшей мере объявить мораторий на исполнение вынесенных ранее смертных приговоров, а затем ратифицировать Протокол № 6 к Европейской конвенции относительно отмены смертной казни (принят в декабре 1982 г., открыт для подписания 28 апреля 1983 г., вступил в силу в марте 1985 г.). Эта общая тенденция объясняет, почему среди прецедентов ЕСПЧ не много дел,

касающихся практики применения смертной казни. Но, к сожалению, время от времени эта проблема возникает в той или иной форме.

В нормативном дискурсе Европейской конвенции проблема смертной казни длительное время анализировалась, как уже отмечалось, под углом зрения ограничений права на жизнь. Таков, например, подход одного из первых фундаментальных комментариев к Конвенции. Европейская конвенция в своей оригинальной версии (парадоксально - сохранившейся по сей день, несмотря на принятие Протоколов № 6 и 13) не отменяла смертную казнь, заключает автор комментария. Добавим от себя, что часть 2 этой же статьи устанавливает, что лишение жизни не будет рассматриваться как нарушение этой статьи, когда оно является результатом абсолютно неотъемлемого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления в соответствии с законом бунта или мятежа.

Во всяком случае речь идет об использовании силы, абсолютно неотъемлемом в ситуациях, обозначенных выше. Следовательно, ограничения права на жизнь должны быть строго пропорциональны поставленной цели и отвечать указанным условиям.

Следует отметить, что допустимые ограничения права на жизнь, содержащиеся в части 2, основаны на очень строгом толковании подобных ограничений. В решении Европейской комиссии по правам человека *Steward v. the United Kingdom* (10.07.1984 [Электронный ресурс//Адрес доступа: <http://echr.ketse.com/doc/10044.82-en-19840710/>. Дата выхода – 16.11.2020]) поясняется: «Перечень обстоятельств, в которых допустимо лишение жизни без нарушения этих положений, строго ограничен».

Это решение, как и известное Постановление *McCann v. the United Kingdom* (27.09.1995), касается ситуаций, упомянутых в подпунктах «а» - «с» части 2, хотя стоит признать, что данная часть не дает четких определений того, что означает «лишение жизни» (или «умышленное лишение жизни» в части 1).

В действительности речь идет о полицейских операциях по подавлению бунта или мятежа, или об операциях спецподразделений по борьбе с терроризмом, а также случаях преследования особо опасных преступников - увы, почти ежедневная хроника наших дней. Но все эти ситуации не связаны прямо с вынесением или исполнением смертных приговоров.

Прежде всего, смертный приговор должен быть вынесен судом, и причем не просто судом, а независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона в результате справедливого и публичного разбирательства дела, как это следует из положений части 1 статьи 6, и при соблюдении процессуальных гарантий, закрепленных для уголовного процесса в части 3 статьи 6. Наконец, основания для вынесения смертного приговора должны быть четко определены законом.

В качестве иллюстрации соотнесем эти положения с положениями Конституции РФ и российским уголовным законодательством. Статья 20 в части 2 Конституции РФ гласит: «Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». Последнее положение о присяжных заседателях позволило Конституционному Суду РФ в своем Постановлении от 2 февраля 1999 г. [СЗ РФ, 08.02.1999, № 6, ст. 867] признать не соответствующим Конституции вынесение любых смертных приговоров в стране, поскольку в то время суды присяжных существовали только в 9 субъектах Федерации из 89, а это нарушало бы принцип равенства всех перед законом (впоследствии в Определении от 19 ноября 2009 г. [СЗ РФ, 30.11.2009, N№ 48, ст. 5867] Конституционный Суд РФ еще раз подтвердит курс на отмену смертной казни). Правовые позиции КС, таким образом, закрепили положение Указа Президента РФ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» (16 апреля 1997 г. Россия подписала Протокол № 6 к Европейской конвенции, но так и не

ратифицировала его) [СЗ РФ, 20.05.1996, № 21, ст. 2468]. В результате международное право стало действовать в Российской Федерации не только путем его внутреннего применения (ее органами государственной власти, различными ведомствами, должностными лицами и другими субъектами права), но и посредством внешнего воздействия - через межгосударственный орган по защите прав и свобод человека (ЕСПЧ).

Следует отметить, что проблема регламентации возможности смертной казни в рамках толкования внутреннего и международного права – далеко не единственная, которая встаёт на пути безусловного признания решений ЕСПЧ в российской правоприменительной практике. Так, мировым сообществом практически единогласно арбитражное соглашение признается отказом от автономного толкования национальных норм на стадии оспаривания решения в стране его вынесения и не признается отказом от иммунитета в отношении исполнения решения (иммунитет собственности иностранного государства), который должен быть явно выражен и специально сформулирован. Анализ существующего законодательства и судебной практики позволил установить связь между арбитражным соглашением и отказом от иммунитета. Будет ли арбитражное соглашение признаваться отказом от автономного толкования национальных норм при процедуре признания и исполнения решения арбитража на территории других стран - вопрос менее однозначный, решение которого варьируется от юрисдикции к юрисдикции. Даже российские суды различных уровней подошли по-разному к решению указанного вопроса.

Так, иммунитет собственности иностранного государства - последнее и самое трудное препятствие на пути к исполнению арбитражного решения. В соответствии с доктриной ограниченного иммунитета основным критерием, по которому допускается или не допускается обращение взыскания в отношении государственного имущества, является критерий коммерческой деятельности. Несмотря на схожие формулировки в нормах права конвенций и законодательств государств, суды по-разному применяют данный критерий в зависимости от юрисдикции.

Учитывая применимость статьи 2 Конвенции в отношении государств, еще не ратифицировавших Протокол № 6 к Конвенции, отметим сразу, что эта статья чаще всего увязывается в постановлениях Европейского суда с положениями статьи 3, запрещающей бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание, в том смысле, что нахождение в так называемых камерах смертников в ожидании исполнения наказания (дела против Болгарии, Украины, Турции до отмены смертной казни в этих странах) равносильно такому обращению. Дела по применению норм международного права приводятся в рамках сравнительного анализа. Но представляется более продуктивным рассмотреть «случай за случаем» практику ЕС, который нередко рассматривал дела о нарушениях статьи 2 в комбинации со статьей 3, с точки зрения соответствия позиций государств-участников основным ценностям европейских демократических обществ (McCann, § 147 [ЕСПЧ. Избранные решения. Т. 2.- М.: Норма, 2000. С. 123 - 149. (Извлечение)]). Здесь следует иметь в виду, что Суд неоднократно отмечал: Конвенция должна восприниматься как единое целое, и, следовательно, статья 3 должна толковаться в единстве с положениями статьи 2.

Классическим прецедентом проблемного толкования международных норм остается дело *Soering v. the United Kingdom* (07.07.1989) [ЕСПЧ. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 637 - 658. (Извлечение)]. Заявитель Йенс Серинг, гражданин Германии, совершил в США убийство родителей своей подруги (при очевидном непосредственном ее участии в этом преступлении), и затем соучастники скрылись в Великобритании, где были арестованы и находились под стражей перед экстрадицией в Соединенные Штаты, в которых в то время существовала смертная казнь в большинстве штатов. Заявитель обратился в европейскую инстанцию с просьбой остановить экстрадицию в страну, где ему реально грозила смертная казнь. Европейская комиссия по правам человека (в которую до 1998 г. обращались все заявители) признала приемлемыми части жалобы, касающиеся статьи 3, статьи 6 § 3(с) и статьи 13 Конвенции. Комиссия также выразила предварительное мнение о том,

что имело место только нарушение статьи 13 «Право на эффективное средство правовой защиты» (семью голосами против четырех), но не статьи 3 (шестью голосами против пяти), статьи 6 § 3 (единогласно) о праве обвиняемого на услуги назначенного защитника в США. Однако Суд решил иначе.

Суд пришел к заключению, что угроза быть приговоренным к смертной казни создавала столь высокую угрозу унижения и подавления, что достигался критический порог. Представляется, что такой вывод Суда не должен преподноситься таким образом, что вынесение смертного приговора означало бы автоматически нарушение статьи 3. Суд предварительно обозначил свою позицию: «...составители Конвенции не могли иметь намерения рассматривать статью 3 как включающую запрещение смертной казни вообще, поскольку это сводило бы на нет ясную формулировку статьи 2 § 1» [ЕСПЧ. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 637 - 658. (Извлечение)].

Суд заявил о том, что он не правомочен рассматривать часть жалобы, касающуюся процессуальных гарантий статьи 6 § 3(с) применительно к процедуре в США, а также не нашел нарушения статьи 13, ибо заявитель располагал в Соединенном Королевстве эффективными средствами правовой защиты. Но главный вывод был сделан: в случае, если решение британского министра внутренних дел о выдаче заявителя в США будет выполнено, будет иметь место нарушение статьи 3.

Такой подход Суд впоследствии повторит во всех делах об экстрадиции (в том числе из России) в «страны риска».

В деле Серинга наглядно проявилось стремление Суда давать эволютивное толкование Конвенции даже по такому абсолютному праву, как право на жизнь. Именно с учетом возраста Й. Серинга (18 лет на момент совершения преступления) и неустойчивого состояния его психики, усугубленного «безумством вдвоем» со своей подругой, Суд решил: перспектива быть судимым и приговоренным к смертной казни в чужой стране, чувство страха, униженности, которые снижают его физическую и моральную сопротивляемость, сами по себе представляли обращение, достигшее и

превысившее порог серьезности подавления прав заявителя (см. § 100 Постановления по делу Серинга [ЕСПЧ. Избранные решения. Т. 1.- М.: Норма, 2000. С. 637 - 658. (Извлечение)]).

Еще одно пояснение: высказывая свое мнение относительно потенциального нарушения статьи 2, бельгийский судья оговорился, что экстрадиция Й. Серинга из Великобритании в США была бы оправданной и законной, если бы британское правительство получило абсолютные гарантии американских властей о том, что заявитель не будет казнен после вынесения ему приговора. Отмечу в порядке примера: только после получения от России гарантий такого рода в отношении чеченских боевиков, экстрадируемых из Грузии в Россию, ЕСПЧ отменил применение в отношении обоих государств неотложной меры по статье 39 Регламента, которой он временно приостанавливал экстрадицию в ноябре 2002 г.

Практика ЕСПЧ последних лет отсылает нас к ситуациям, которые, казалось, исчезли с лица Европы. Но изгнанная Протоколом № Бюллетень ЕСПЧ, 2004, № 76 проблема смертной казни возвращается через статью 3, избежать которой невозможно. Таковы, например, дела *Iorgov v. Bulgaria* (11.03.2004) [], *Poltoratskiy v. Ukraine* (29.04.2003) [Бюллетень ЕСПЧ, 2003, № 9] и ряд других дел, в которых заявители ожидали своей участи в камерах смертников по восемь лет (болгарские дела), пока законодатели после длительных дискуссий не приняли закон об отмене смертной казни, кроме того, в ряде случаев (украинские дела) узники содержались в ужасных условиях и им было отказано даже в визитах священников и адвокатов.

Помимо этого, Суд неоднократно возвращался к проблеме процессуальных гарантий в ходе процессов, по истечении которых обвиняемые приговаривались к смертной казни, а затем были помилованы: например, уже указанное дело Полторацкого или дело Дмитриева против Латвии.

Более сложные проблемы подняты делами «Илашку и другие против Молдовы и России» (*and Others v. Moldova and Russia* [G. C.], 08.07.2004) [Бюллетень ЕСПЧ, 2004, № 12] и «Оджалана против Турции» (*v. Turkey* [G. C.],

12.05.2005) [Бюллетень ЕСПЧ, 2005, № 10], ибо в обоих случаях речь шла о лицах, приговоренных к смертной казни судами, легитимность которых подверглась сомнению заявителями, они же заявляли и о нарушениях статей 2 и 3.

В деле Илашку речь шла о приговоре Илашку в 1993 г. к смертной казни судом самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики, признанного виновным по составам, содержащимся в Уголовном кодексе советской Молдавии, который оставался в силе на территории ПМР. Только в мае 2001 г. заявитель был освобожден и перемещен на территорию, контролируемую молдавскими властями. Помимо других нарушений Конвенции, заявитель упоминал и статью 2, ибо, по его мнению, смертный приговор был вынесен ему в нарушение статьи 2.

Другое дело, в котором была поднята проблема нарушения статьи 2, - дело Оджалана. Арестованный в Кении после метаний по разным странам, включая Россию, лидер борьбы за самоопределение курдского народа Абдула Оджалан был приговорен к смертной казни Судом государственной безопасности Турецкой Республики 29 июня 1999 г., и приговор был утвержден Кассационным судом 25 ноября 1999 г. 30 ноября 1999 г. ЕСПЧ применил правило 39 Регламента и предписал властям Турции «принять все неотъемлемые меры, чтобы смертная казнь не была совершена, что позволит Суду эффективно рассмотреть вопрос о приемлемости и сути дела по тем элементам жалобы, которые сформулировал заявитель» [Бюллетень ЕСПЧ, 2005, № 10].

Однако, верный своему подходу, обоснованному в деле Серинга и в последующих делах, Суд пришел к заключению, что сам факт вынесения смертного приговора чрезвычайным судом, а затем несколько лет правовой неопределенности относительно судьбы приговоренного вместе с процессуальными нарушениями в ходе процесса в совокупности являлись нарушением статьи 3 (§ 170 - 175 [Конвенция о защите прав человека и

основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004)//СЗ РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163]).

Но в Протоколе № 13, как и в Протоколе № 6, есть одна «коварная» статья 5 «Соотношение с Конвенцией»: «Государства-участники рассматривают статьи 1 - 4 настоящего Протокола как дополнительные статьи к Конвенции, и все положения Конвенции применяются соответственно» [ЕСПЧ. Первые решения по жалобам из России (сборник документов).- М., 2004. С. 32 – 33]. В международных документах в отношении определенных прав и свобод общепринятым является употребление формулировки «право на свободу». Таким образом, с одной стороны, подчеркивается исконная природа данных свобод, а с другой стороны, утверждается, что государство регулирует порядок пользования человеком указанными правами. Во Всеобщей декларации прав человека 1948 года речь идет о поддержании общественного благосостояния в демократическом обществе.

Очевидно, наиболее подвержена ограничениям группа социальных, экономических и культурных прав. Так, например, может быть ограничено право на осуществление отдельных видов экономической деятельности; могут вводиться отдельные ограничения права собственности; в отношении трудовых прав иногда ограничению может быть подвергнуто право на забастовку отдельных категорий работников; примерами ограничений культурных прав могут быть ограничения, вводимые для сохранения культурного и духовного наследия или связанные с повышенной охраной культурных ценностей.

Есть еще одна проблема, о которую ЕСПЧ уже не раз «спотыкался», - это проблема эвтаназии, обратно-зеркальное отражение права на жизнь. В деле «Претти против Великобритании» (Pretty v. the UK, 29.04.2002) [Постановление на английском языке получено с сервера ЕСПЧ. Адрес доступа: <http://www.echr.coe.int>. Дата выхода: 12.11.2020] Суд, сославшись на отсутствие «европейского консенсуса» по проблеме легализации эвтаназии, единодушно признал отсутствие какого-либо нарушения Конвенции ввиду отказа властей

Великобритании в применении эвтаназии по просьбе безнадежно больной госпожи Претти.

В итоге, все допустимые ограничения прав и свобод могут быть сведены в единую систему. Влияние международных факторов на права и свободы становится все более значительным, а процессы взаимного обогащения норм внутреннего и международного права – более эффективными. Однако не всегда эти оптимальные тенденции, которые могли бы предполагаться, исходя из поступательного развития мирового сообщества, реализуются на практике, в частности, в рамках толкования норм международного права выявляются внутренние противоречия положений международного права. Возникает закономерный вопрос: как соотносить радикальное положение Протоколов № 6 и 13 с основным текстом Конвенции, прежде всего с уже очевидным анахронизмом части 1 статьи 2. В своей резолюции о проекте Протокола № 13 Парламентская ассамблея Совета Европы констатировала: «Вторая фраза статьи 2 Европейской Конвенции по правам человека все еще предусматривает смертную казнь. Уже давно Ассамблея предлагает изъять эту фразу с тем, чтобы теория соответствовала практике, тем более что тексты национальных конституций и международные договоры последних лет более не содержат упоминания о смертной казни» [Права и свободы личности. Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита». Вып. 11.- М., 1995. С. 118 - 120].

ЕСПЧ при толковании норм международного права, которые теоретически имеют прямое действие в России, сформулировал выводы, которые имеют важное значение для официальных властей России. Рассмотренные правовые позиции судов свидетельствуют о важности более внимательного отношения судей к нарушениям личных и политических прав человека в России, более объективного рассмотрения с учетом интересов личности и общества на национальном и международном уровне. Вместе с тем вышеприведённые примеры соотношения национальных и международных норм в практике толкования при защите прав человека и бизнеса не означает,

что в отношениях КС РФ и ЕСПЧ имеют место полная гармония и отсутствие каких-либо разногласий.

2.2. Проблемы толкования и имплементации Европейской конвенции о защите прав и свобод человека

Анализ толкования Европейской конвенции был бы неполным без обращения к проблеме практической имплементации Конвенции путем исполнения постановлений ЕСПЧ, призванного давать в силу статьи 32 Конвенции толкование Конвенции и решать вопросы о применении ее положений в каждом конкретном деле. К тому же сам факт исполнения постановления Суда сам по себе есть согласие ответчика на данное толкование.

Участие в Конвенции, как и в любом другом международном договоре, предполагает исполнение государством-участником взятых на себя обязательств - это правовая аксиома, выраженная в принципе *parata sunt servanda*. Тем не менее, хотелось бы напомнить об идеях отечественных правоведов по поводу исполнения государством своих международных обязательств, в том числе в разрезе признания позиции международных судов в отношении внутренних норм российского права. На сегодняшний день вышло немало публикаций, в том числе монографических, посвященных проблеме совмещения европейских правовых стандартов в той или иной сфере защиты прав человека с российским законодательством и правоприменительной практикой. Судебное толкование в рамках толкования и имплементации Европейской конвенции о защите прав и свобод человека осуществляется профессионально подготовленными работниками, осуществляющими деятельность по отправлению правосудия. Все судьи в связи с рассмотрением и разрешением того или иного дела ежедневно сталкиваются с неотъемлемостью казуального толкования (в отличие от нормативного, которое входит в компетенцию высших судебных инстанций).

Однако с точки зрения подготовки вступления в систему Конвенции имело значение и подведение международно-правовой базы под это вступление. Так, часть 1 статьи 17 Конституции, открывающая главу 2 «Права и свободы человека и гражданина», провозглашает: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией», то есть формально нормы международного права ставятся выше внутренних норм. Если согласно части 1 статьи 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, то часть 3 той же статьи наделяет российского гражданина определенной международной правоспособностью: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в международные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Отсутствие информации о возможности защиты на уровне международного права равняется, в конечном счете, отсутствию реального выбора. И нет ничего более опасного для демократических обществ.

Таким образом, Всеобщая декларация прав человека в 1948 г. послужила фундаментом нормативной структуры соблюдения прав человека. Между тем, множество обсуждений, посвященных данному вопросу, попытки улучшения законодательства прав человека относительно быстро продвигающегося мирового научно-технического прогресса значительно отставали по сравнению с другими линиями законодательства прав человека ООН. В отечественном правоведении идея участия в отправлении международного правосудия присутствует в трудах ученых и практиков как составная часть международного общения государств [Ковлер А.И., с.5]. Ситуация заметно изменилась в постсоветские времена в связи с принятием Конституции 1993 г., вступлением России в Совет Европы и признанием обязательной юрисдикции ЕСПЧ, вступлением в ВТО с ее органом по разрешению споров, участием в деятельности Международного трибунала по морскому праву, Экономического

суда СНГ и Суда Европейского экономического сообщества, сложными отношениями с Международным уголовным судом и Международным трибуналом по бывшей Югославии. Принимая обязательность исполнения решений международных органов правосудия за аксиому, что особенностью их практики является так называемый эволютивный прецедент, который в случае исполнения этих решений позволяет формировать «общую позитивную практику» международной и национальной судебных юрисдикций. Судебная практика способна наиболее эффективно и, главное, своевременно реагировать на социальные изменения.

Верховный Суд РФ в своих обзорах судебной практики [например, Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020). Документ не был опубликован//СПС КонсультантПлюс] регулярно информирует нижестоящие суды о правовых позициях межгосударственных органов по защите прав человека и о применении национальными судами решений этих органов.

Национальная деятельность любого государства существует во взаимосвязи с другими государствами и все сильнее осуществляется под воздействием международных факторов. Вследствие усиления процессов интеграции и глобализации, в мире заметно возрастает количество споров с участием иностранных физических и юридических лиц. Для разрешения этих споров судебные органы государств все шире применяют иностранное право. Активизация использования иностранного права характерна не только для России, но и для многих других стран. С другой стороны, государство призвано поддерживать общее благосостояние населения на своей территории. Именно мера «государственная безопасность» направлена на обеспечение территориальной целостности и национальной независимости перед лицом посягательств извне. И ограничения прав и свобод человека возможны в целях сохранения государственной безопасности. Однако в деле Фогт против Германии 1995 г. Суд постановил, что «на государственную (национальную) безопасность нельзя ссылаться: а) в качестве причины введения ограничений,

когда речь идет о предотвращении только местной или относительно изолированной угрозы закону или порядку; б) в качестве предлога для введения неопределенных или произвольных ограничений; в) в качестве оправдания мер, имеющих целью подавление оппозиции или преступную репрессивную практику против своего населения». Здесь, под государственной безопасностью понимается система общественных отношений, направленных на обеспечение прочности и нерушимости общественного и государственного строя.. Следовательно, международное право призвано в том числе нивелировать давление государства на отдельно взятую личность. В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года можно заметить, что цели ограничений несколько расширены. Согласно этому документу, ограничения вводятся с целью: поддержания государственной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны; предотвращения беспорядков или преступлений; охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц (ст.ст. 8, 9); охраны территориальной целостности; защиты репутации других лиц; предотвращения разглашения конфиденциальной информации; обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (ст. 10). Следовательно, «для решений органов конституционной юстиции этическая аргументация играет особую роль, именно решения Конституционных Судов, решения ЕСПЧ формируют модель социального поведения» [Трифонова Д.Г., с.10]. Следовательно, толкование права в отдельных случаях может иметь виды переложение сухих норм закона на условия реальной жизни и матрицы социально-нравственных ценностей.

Таким образом, место международного права в межгосударственной системе характеризуется тем, что общепризнанные принципы являются формой международного права. Это его универсальные нормы. Они, как и другие общепризнанные нормы, имеют наиболее общую форму выражения и признаны обязательными для всех или абсолютным большинством государств. Более узкая группа общепризнанных принципов (норм) является основными принципами международного права. Это нормы, отражающие

фундаментальные интересы государств и народов. Они представляют собой нормативную основу всей системы международного права, служат ее основой.

В Верховном Суде РФ создана информационная база данных «Международное право», где в систематизированном виде размещаются имеющие значение для разрешения судами конкретных дел тексты международных документов, включая постановления ЕСПЧ и других международных судов [ред. В.Л. Ломбиной, с.198]. В Указе от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд Российской Федерации признал приоритет Конституции Российской Федерации над международными нормами и четко определил границы, которые он не готов пересекать, учитывая реализацию международного права в рамках российской правовой системы. Это было позже принято по этому вопросу ФЗ № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». В связи с этим выясняется, что все международные стандарты ниже, чем Конституция Российской Федерации, но имеют большую юридическую силу по сравнению с федеральными конституционными и федеральными законами, но это положение распространяется только на международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией.

Однако многие государства, включая Российскую Федерацию, признавая юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней, сделали решительный шаг в направлении обязательной юрисдикции международных судебных органов как варианта толкования внутреннего и международного права при защите прав человека и бизнеса. Отсюда следует, что ни резолюции международных организаций, ни международные документы политического характера, ни решения международных судов не являются неотъемлемой частью российской правовой системы. Конституция Российской Федерации также провозглашает приоритет норм международного договора по отношению к противоречащим нормам права страны.

Вышеуказанные положения Конституции РФ впитали в себя многие другие законодательные акты. Например, п. 1 ст. 5 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» или, или ч. 1 ст. 7 Гражданского кодекса РФ указывает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации». Также подчеркивается, что международные договоры Российской Федерации применяются к гражданско-правовым отношениям, определенным в частях 1 и 2 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, непосредственно, за исключением случаев, когда из международного договора следует, что его применение требует опубликования межгосударственного акта.

В теории международного и внутреннего права нет единого мнения о том, какие принципы и нормы являются общепризнанными. В тексте пункта 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации прилагательное «общепризнанные» относится как к принципам, так и нормам международного права. В обоих случаях это характеризует юридически обязательное правило поведения. Эта норма не проводит различий между ними, не называет характерные для них характеристики. Международное право также не содержит определения общепризнанных принципов и норм. Также нет документа, содержащего юридически обязательный перечень таких норм и принципов. Если обратиться к такой категории, как «конфликты толкования» то неотъемлемо отметить, что признаки обязательной силы постановлений Европейского суда возникли в Конституционном суде Австрии, а в последнее время и в Конституционном Суде РФ (после известного дела Маркина [Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 6], в котором ЕСПЧ преступил «красную линию», в жесткой форме рекомендовав России изменить положения закона о статусе военнослужащих). Юридические конфликты в целом возникают в правоотношениях не только при создании, реализации, применении, изменении, нарушении, толковании норм права, но и при реализации государственной политики в той или иной сфере при решении

не строго правовых вопросов о целесообразности того или иного юридически значимого поведения. Так, болезненную реакцию вызвали некоторые постановления Суда в отношении Турции, Франции, Италии, Великобритании, других государств, где, по мнению политиков и обслуживающих их юристов, Суд якобы вторгся в осуществление «суверенной воли» государств строить свою правовую систему в соответствии с национальными особенностями.

Однако оказывают влияние и решения ЕСПЧ по конкретным жалобам, создавая прецедент. Влияние решений ЕСПЧ на практику арбитражных судов и судов общей юрисдикции в Российской Федерации ограничивается тем, что Россия ратифицировала Конвенцию, но сделала это с определенными оговорками и заявлениями:

1. Согласно Европейской конвенции задержанного неотъемлемо незамедлительно доставить к судье чтобы проверить обоснованность и законность ареста или задержания. Разбирательство должно происходить в «разумный срок». Допускаются санкционирование задержания (ареста) только судом либо освобождение из-под стражи в зависимости от предоставленных гарантий явки в суд (п. «с» ч.1 3 ст. 5 Конвенции). Сославшись на второй раздел Конституции, Российская Федерация посчитала изложенные выше положения временно неприемлемыми.

2. Под широкое понятие «лишение свободы» (ст.5 Конвенции) подпадает и арест, налагаемый на военнослужащих командирами и начальниками в качестве дисциплинарного взыскания. В некоторых странах такого рода арест может быть применен военным судом или обжалован в военный суд. Российская Федерация сделала оговорку, что дисциплинарный арест военнослужащих - солдат, матросов, сержантов, старшин, прапорщиков и мичманов - с содержанием их на гауптвахте применяется без обращения в суд.

3. Российская Федерация не ратифицировала дополняющий Конвенцию Протокол 6 от 22 ноября 1984 г., где установлено: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» (однако

государство может предусмотреть в своем законодательстве смертную казнь за действия, совершенные во время войны или неизбежной угрозы войны).

Надо признать, что противоречия между ЕСПЧ и Россией тянутся с момента вступления России в члены Совета Европы. В начале 2000-х годов были предложения исключить Россию из Совета Европы ввиду большого количества нарушений прав и свобод, проживающих на территории Чечни граждан.

Недовольства в отношении принятых решений ЕСПЧ также высказывали на высшем уровне российского государства. В частности, глава Российской Федерации прокомментировал деятельность ЕСПЧ: «он не регулирует правовые отношения, не защищает права, а просто исполняет какую-то политическую функцию» [Электронный документ// Адрес доступ: <https://tass.ru/politika/1380242>. Дата выхода: 12.11.2020]. В качестве примера он привёл дело Илашку [Бюллетень ЕСПЧ, 2004, № 12], по которому Россия должна выплатить деньги, не имея к делу никакого отношения. Руководитель МИД РФ Сергей Лавров также назвал дело Илашку, как и некоторые другие – политизированными.

Во исполнение положения § 1 статьи 46 Конвенции о том, что высокие договаривающиеся стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами, верховные суды страны выступили с законодательной инициативой о закреплении этого положения в процессуальном законодательстве.

Было бы неоправданным преувеличением говорить о некоем «триумфальном шествии» Конвенции по всем уровням судебной системы страны. Это связано как с незавершенностью судебной реформы, так и с проблемами толкования Конвенции.

О том, что проблемы «судебного суверенитета» и субсидиарности системы Европейской конвенции по отношению к национальной правозащитной системе не являются сугубо доктринальными проблемами, свидетельствует судебная практика, очевидно, что в приведенных случаях речь

идет о совершенно различных системах ценностей, правовых идеологий, правосознания, которые лежали в основе судебных решений. То есть в рамках правоприменительной практики создаётся конституционно-правовой конфликт.

Как показывает практика, большинство коллизий, связанных с вопросами применения решений ЕСПЧ, возникает на стадии исполнения судебных актов, вынесенных в пользу заявителя, соответствующими государственными органами уже внутри страны, в особенности по искам против государства или его публичных агентов.

Деятельность ЕСПЧ основана на базовом принципе, согласно которому исполнение судебного акта является неотъемлемой частью права человека на суд. Таким образом, данный стандарт подчеркивает значимость исполнительного производства и говорит о том, что право на суд, и в том числе его эффективность, утрачивает характер иллюзорности только вкупе с обязательной реализацией принятых актов на практике.

Помимо указанного принципа нельзя не сказать о позиции ЕСПЧ относительно степени ответственности государства в судопроизводстве. Суд руководствуется рядом дифференцированных требований и условий, как правило зависящих от того, кто является должником, и тут есть несколько вариантов. Однако это не значит, что государство может и должно выступать лишь сторонним наблюдателем в данных отношениях. В сфере исполнения окончательного и вступившего в силу судебного решения против частного лица можно отметить следующие правовые позиции ЕСПЧ.

В любом случае государство, включая РФ, самостоятельно обязано начать исполнительное производство по конкретному делу незамедлительно и закончить этот процесс, учитывая иные стандарты судопроизводства, в том числе, например, о разумности срока. Данный принцип основан прежде всего на понимании того факта, что государство (или конкретный его агент) должно быть уведомлено надлежащим образом о вводимом в его отношении судопроизводстве, в том числе о вынесении решения по конкретному делу.

Таким образом, центр тяжести правозащитной деятельности по-прежнему остается в государствах - участниках Конвенции, которым ЕСПЧ регулярно посылает сигналы о наличии у них тех или иных проблем. Но выявление проблемы на уровне деятельности ЕСПЧ по толкованию внутреннего права не означает автоматического устранения данной проблемы.

2.3. Направления совершенствования толкования права в правоприменительной практике

Имплементация Европейской конвенции сталкивается с сопротивлением с объективными правовыми, материальными, психологическими и иными трудностями. Множество постановлений ЕСПЧ не исполнены в полной мере, имея в виду принятие мер общего характера по профилактике установленных Судом нарушений. Так появился феномен пилотных постановлений (*pilot judgments, pilots*). Из общего числа постановлений, принимаемых Европейским судом по существу жалоб, более 60% - это постановления по повторяющимся, так называемым клоновым жалобам [Вифлянцева А.О., с.34].

За пять лет до вступления России в систему Конвенции конституционно-правовая база уже отвечала всем требованиям такого вступления в международно-договорном плане. Упомянутые положения Конституции РФ соотносились как с Уставом Совета Европы, так и с положениями Конвенции, особенно ее преамбулы и статьи 1 «Обязательство соблюдать права человека». При этом «критериями ограничения судебного усмотрения должны быть: стремление к сохранению существа конституционных норм; подтверждение высшей ценности прав и свобод человека; гарантирование реализации принципов федерализма и разделения властей; поддержание стабильности конституционного правопорядка» [Леоненко Н.Т., с. 63].

Проведенное сравнение на предмет схожести и различий между правовыми позициями Конституционного Суда РФ и правовыми позициями ЕСПЧ по вопросам толкования норм, касающихся защиты прав и свобод

человека и бизнеса, позволило выявить определенные разногласия. Объективность анализа требует упомянуть и роль ныне упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ в процессе имплементации положений Конвенции. Высший Арбитражный Суд РФ в своем информационном письме от 20 декабря 1999 г. [Бюллетень ЕСПЧ, 2011, № 1] подробно изложил требования статьи 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» Конвенции и статьи 1 «Защита собственности» Протокола № 1 в толковании прецедентов Европейского суда и обязал нижестоящие арбитражные суды принять во внимание эти требования при рассмотрении исков.

Надо отметить также, что не было больших проблем при внесении в Арбитражный процессуальный кодекс статьи 311 о пересмотре дел в случае вынесения Европейским судом постановления о нарушении прав заявителей в арбитражной процедуре. В системе арбитражных судов была своевременно и энергично проведена реформа всей системы арбитражного судопроизводства, отвечающая международным стандартам и принципу правовой определенности, когда были созданы полноценные апелляционные и кассационные суды, а функциями надзора по строго ограниченным категориям дел был наделен только Высший Арбитражный Суд. Это, кстати, позволило Европейскому суду признать арбитражное надзорное производство эффективным средством правовой защиты, обязательным для исчерпания на национальном уровне, прежде чем направлять жалобу в Страсбург (см. решения о приемлемости для рассмотрения по существу жалоб «Галина Васильевна Ковалева и другие против России» (*Galina Vasilyevna Kovaleva and Others v. Russia*, 25.06.2009¹) и «Общество с ограниченной ответственностью «Линк Ойл СПб» против России» (*ООО «Link Oil SPB» v. Russia*, 25.06.2009) [Бюллетень ЕСПЧ, 2011, № 1]). Это во многом объясняет тот факт, что жалобы по арбитражному процессу в ЕСПЧ направляются крайне редко. Правда, некоторые объясняют это не столько эффективностью национальных средств

---

¹ Решение ЕСПЧ от 25.06.2009 «По вопросу приемлемости жалобы № 6025/09 «Галина Васильевна Ковалева и другие (*Galina Vasilyevna Kovaleva and Others*) против Российской Федерации»// Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2011, № 1;

правовой защиты, сколько самой природой экономических споров, исключаящих длительное ожидание исхода рассмотрения жалобы. Но бесспорно то, что в системе арбитражных судов довольно быстро прижились такие «нововведения» Европейского суда, как присуждение выплаты компенсации юридическим лицам за причиненный моральный вред или применение критерия пропорциональности при вмешательстве государства в осуществление права собственности.

С целью обеспечения единообразного применения арбитражными судами положений статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ принял Постановление от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся условиям» [Вестник ВАС РФ, № 9, сентябрь, 2011], в котором отнес к основаниям по пересмотру судебных актов установленное Европейским судом нарушение прав заявителя при рассмотрении конкретного дела арбитражным судом.

Генеральная прокуратура РФ определила свой метод доведения позиций Европейского суда до сведения прокуроров субъектов РФ и приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур - информационные письма.

В ответ на постановления Европейского суда, констатирующие нарушение прав граждан органами прокуратуры в ходе проведения следственных мероприятий, а также по другим аспектам деятельности прокуратуры, Генеральная прокуратура РФ рассылает на места инструкции в виде информационных писем, число которых трудно назвать с достаточной точностью. Следует отметить в качестве примера отдельные документы обобщающего характера последних лет:

✓ информационное письмо от 17 мая 2009 г. «О неотъемлемости усиления надзора за следствием в силу постановлений ЕСПЧ» [Электронный ресурс//Адрес доступа: [https://genproc.gov.ru/.](https://genproc.gov.ru/)];

✓ информационное письмо от 31 марта 2010 г. «Обзор практики вынесения Европейским судом по правам человека решений в связи с нарушением статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [Электронный ресурс//Адрес доступа: <https://genproc.gov.ru/>.];

✓ информационное письмо от 15 сентября 2010 г. «О нарушении прав российских граждан, связанных с применением насилия на досудебной стадии уголовного судопроизводства, установленных решениями ЕСПЧ» [Электронный ресурс//Адрес доступа: <https://genproc.gov.ru/>.];

✓ информационное письмо заместителя Генерального прокурора Российской Федерации С.Г. Кехлерова от 21 декабря 2010 г. «О некоторых постановлениях ЕСПЧ» [Электронный ресурс//Адрес доступа: <https://genproc.gov.ru/>.].

Два из числа последних подобных информационных писем заслуживают отдельного внимания, хотя и предыдущие можно без преувеличения назвать этапными.

Информационное письмо от 15 сентября 2010 г. лишь на месяц опередило выпуск предварительного доклада Совета Европы о злоупотреблениях со стороны полиции в России - знаменательное совпадение, демонстрирующее обоюдную озабоченность сложившейся ситуацией накануне реформы российской милиции. Документ Совета Европы дает развернутую картину различных нарушений Конвенции со скрупулезным цитированием постановлений Европейского суда; рекомендации облечены в четкие, но дипломатически выдержанные формулировки.

Документ апеллирует к прокуратуре в целом как к органу, наделенному правами надзора за соблюдением законности, поэтому в нем содержатся упреки как в адрес следственных органов, органов внутренних дел, так и в адрес национальных судов. Так, со ссылкой на позицию Европейского суда о недопустимости того, чтобы тяжесть последствий, вытекающих из недостатков при производстве предварительного расследования, была возложена на заявителя.

В свою очередь, ЕСПЧ в Постановлении от 26 мая 2009 г. по делу «Бацанина против России» (*Batsanina v. Russia*, 26.05.2009 [Бюллетень ЕСПЧ, 2010, № 2]) признал, что при определенных условиях (защита интересов наиболее социально уязвимых категорий граждан; дела, имеющие большое общественное значение, и т.п.) участие надзора как стороны в гражданском процессе может быть оправдано и не является нарушением принципа равенства сторон. Свою позицию ЕСПЧ сформулировал со ссылкой на Заключение № 3(2008), принятое Консультативным советом прокуроров европейских стран на совещании в Санкт-Петербурге по такому деликатному вопросу, как недопущение «оказания ненадлежащего воздействия на процесс вынесения решений судьями» (см. § 17 Постановления), придя к заключению, что «в настоящем деле был соблюден принцип равенства процессуальных возможностей сторон в судопроизводстве, требующий справедливого баланса интересов между сторонами в деле» (§ 27 Постановления).

Еще до передачи аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека в ведение Министерства юстиции (март 2007 г.) оно, по-видимому, внимательно отслеживало постановления Европейского суда по сфере своей деятельности, особенно после 1 августа 1998 г., когда Федеральная служба исполнения наказаний стала действовать при Министерстве юстиции. В немалой степени благодаря усилиям тогдашнего руководителя Федеральной службы исполнения наказаний Ю.И. Калинина (лично участвовавшего в слушаниях в Страсбурге по делу «Калашников против России») Приказом Министерства юстиции от 3 ноября 2005 г. № 205 [Бюллетень ЕСПЧ, 2003, № 1] были внесены изменения в Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений [Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 47, 21.11.2005] в части порядка переписки осужденных. Так, делались изъятия из цензуры, которой подвергалась получаемая и отправляемая осужденными корреспонденция: «Переписка осужденного цензуре не подлежит».

Деятельность аппарата Уполномоченного при Европейском суде по исполнению принципиально важных постановлений Европейского суда по России заслуживает высокой оценки. Это касается прежде всего исполнения пилотного Постановления по делу «Бурдов против России (2)» [Российская хроника Европейского Суда, 2009, № 4], в котором ЕСПЧ на основании почти 200 постановлений по аналогичной ситуации заключил, что отсутствие должного механизма контроля за исполнением вынесенных национальными судами решений и эффективного средства правовой защиты от пагубной практики неисполнения судебных актов является системной (структурной) проблемой российской правовой системы, и обязал государство-ответчика внести соответствующие изменения в законодательство. Через год был принят Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 63-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [СЗ РФ, 03.05.2010, № 18, ст. 2144].

Министерство юстиции не только активно лоббировало скорейшее принятие этого закона, но и во исполнение Постановления по делу «Бурдов против России (2)» и по собственной инициативе заключило сотни мировых соглашений по жалобам этой серии, направленным в Страсбург, ускоряя тем самым решение коллизий на национальном уровне. Надо сказать, что и суды общей юрисдикции, опираясь на закон от 30 апреля 2010 г. и новую редакцию ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ [СЗ РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532] (пересмотр дел по вновь открывшимся условиям, к которым, наконец, отнесено и вынесение постановления Европейского суда по конкретному делу), активно включались в рассмотрение исков граждан по неисполнению вынесенных в их пользу судебных актов. В результате доля жалоб «серии «Бурдов» в ЕСПЧ упала с 40 до 7% и касается в основном так называемых неденежных обязательств государства. Однако в Постановлениях по делам «Илюшкин и другие заявители против России» (Ilyushkin and Others v. Russia, 17.04.2012 [Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 10]) и «Калинкин и другие заявители

против России» (Kalinkin and Others v. Russia, 17.04.2012 [Бюллетень ЕСПЧ, 2013, № 5]) ЕСПЧ констатировал нарушение статьи 13 Конвенции в связи с тем, что в России до сих пор не существует эффективного средства правовой защиты от нарушения права, связанного с несоблюдением разумного срока исполнения судебных актов, устанавливающих обязательства «в натуре». Он также коммуницировал властям Российской Федерации жалобу «Герасимов и другие против России» (Gerasimov and 14 Others v. Russia [Бюллетень ЕСПЧ, 2014, № 11]), информировав о возможности применения процедуры вынесения нового пилотного постановления, на сей раз по неисполнению судебных актов по неденежным обязательствам, и принял такое Постановление 1 июня 2014 г.

Другой пример реакции Европейского суда на системные российские проблемы - пилотное Постановление по делу «Ананьев и другие против России» (Ananyev and Others v. Russia, 10.01.2012 [Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 8]), в котором ЕСПЧ констатировал наличие структурной проблемы, связанной с ненадлежащими условиями содержания в следственных изоляторах и отсутствием эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений. Разработана своего рода «дорожная карта», одобренная в октябре 2012 г. Комитетом министров Совета Европы, по комплексу мер, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в целях исполнения этого Постановления. Насколько эффективными будут эти меры, покажет время. Но быстрота реакции на Постановление Европейского суда сама по себе показательна.

К сожалению, сохраняются системные (структурные) проблемы, по которым ЕСПЧ принял первые постановления еще в 2002 - 2006 гг.:

- ✓ неэффективность расследования случаев исчезновения людей на Северном Кавказе (статья 2 Конвенции в процессуальном аспекте);
- ✓ неэффективность расследования злоупотреблений в момент задержания граждан полицией и проведения дознания, следственных действий (статья 3 Конвенции в процессуальном аспекте);

- ✓ качество медицинской помощи, оказываемой заключенным (статья 3 Конвенции в ее материальном аспекте);

- ✓ продолжающееся широкое применение задержания и содержания под стражей, нередко по административным правонарушениям, процессуальные нарушения при рассмотрении ходатайств об изменении меры пресечения, длительность сроков содержания под стражей (статья 5 Конвенции);

- ✓ приговоры к длительным срокам лишения свободы за незаконный оборот наркотиков исключительно на основании доказательств, полученных «агентами-провокаторами», произвольное толкование положений Закона об оперативно-розыскной деятельности (статья 6 Конвенции в части § 2 - презумпция невиновности);

- ✓ проблемы соблюдения принципа равенства сторон в гражданском и уголовном процессе (вызов сторон в судебное заседание, назначение экспертизы, опрос свидетелей защиты, право на эффективную защиту).

Попытки решить эти проблемы на основе изменений в законодательстве и толкования европейских стандартов высшими судами, прокуратурой, органами юстиции вносят весомый вклад в имплементацию стандартов Конвенции на национальном уровне. Но, увы, правоприменительная практика далеко отстала от предложенной методологии.

Есть опасения, основанные на возрастании потока жалоб в Страсбург по статьям 8 - 11 Конвенции, что инициативы законодателя, направленные на своеобразное понимание «упорядочения» деятельности некоммерческих организаций, ужесточение наказания за «оскорбление» чувств верующих или за «пропаганду» нетрадиционной сексуальной ориентации, установление более жесткого контроля за Интернетом, могут обернуться появлением такой критической массы жалоб, что это позволит говорить о новых «системных» проблемах.

Высшие суды Российской Федерации - Конституционный Суд, Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд - внесли существенный вклад в

утверждение принципа прямого применения норм международного права национальными судами, а также принятия мер индивидуального и общего характера во исполнение постановлений Европейского суда. Не осталась в стороне и Генеральная прокуратура.

Конституционный Суд РФ ссылается в своих постановлениях на Конвенцию и учитывает правовые позиции Европейского суда (кстати, процесс этот двусторонний, и ЕСПЧ в своих постановлениях по российским жалобам нередко подкрепляет свои позиции ссылками на решения высших судов России, прежде всего КС РФ). В частности, такой подход отразился в Постановлении от 17 февраля 2000 г. о неконституционности статьи 377 УПК РФ [СЗ РФ, 10.07.2000, № 28, ст. 2999] в том, что касается отсутствия четких указаний на неотъемлемость присутствия заинтересованного лица на заседании суда, рассматривающего его кассационную жалобу или ходатайство о пересмотре дела в порядке надзора. В Постановлении от 16 мая 2000 г. [СЗ РФ, 22.05.2000, № 21, ст. 2258.], неоднократно ссылаясь на практику Суда в Страсбурге, Конституционный Суд более точно провел толкование норм права, регулирующих поиск баланса между частным и общественным интересами.

Речь идет не о неких процедурах вежливости, а о решении конкретных задач, стоящих перед судами и законодателем. По этой не разрешенной до конца проблеме ЕСПЧ принял уже несколько десятков постановлений. Более того, по всей стране была развернута дорогостоящая, но довольно эффективная система видеосвязи между судами и отбывающими наказание осужденными, дела в отношении которых рассматриваются в кассационном порядке или в надзорном порядке.

Надо отметить, что законодатель с подачи Конституционного и Верховного Судов изменил (Законом № 353-ФЗ) с 1 января 2012 г. [СЗ РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6611] процедуру пересмотра дел в так называемой повторной кассации, ограничив надзорное производство Президиумом Верховного Суда РФ. «После введения апелляционного производства по пересмотру решений и определений мировых судей отечественный

законодатель избрал уникальную модель обжалования судебных актов судов первой инстанции: апелляция и кассация в российском гражданском процессе выступали в качестве альтернативных, исключая друг друга форм пересмотра решений, не вступивших в законную силу» [Ковтков Д.И., с.92]. Европейский суд, со своей стороны, откликнулся на это изменение, придя к заключению, что одна из главных загадок российского правосудия - надзор - решена. Помимо прочего, это позволит ускорить рассмотрение фактов предполагаемого нарушения прав граждан на национальном уровне. «Таким образом, в данном случае для устранения отмеченной ЕСПЧ структурной (системной) проблемы, приводившей к систематическому нарушению права граждан на судопроизводство в разумный срок, был задействован сложный правовой состав: нормативные предписания, содержащиеся в пилотном постановлении Европейского суда, стали основой принятия соответствующего федерального закона, положения которого, в свою очередь, были разъяснены и конкретизированы сразу в нескольких постановлениях Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов РФ» [Зайцев О.В., с.105], благодаря чему был разработан механизм, призванный всемерно сократить случаи нарушения права на судопроизводство. Итак, совместные усилия Конституционного и Верховного Судов с ЕСПЧ по укреплению правовой определенности принесли свои результаты, но многое будет зависеть от практики применения новой процедуры. Год спустя в решении по делу «Кашлан против России» (*Kashlan v. Russia*, 19.04.2016 [Бюллетень ЕСПЧ, 2016, № 6]) ЕСПЧ занял более жесткую позицию в отношении кассации в уголовном процессе после снятия с 1 января 2015 г. ограничения срока подачи кассационной жалобы в один год, посчитав это отступлением от принципа правовой определенности.

Инцидент с делом «Константин Маркин против России» (*Konstantin Markin v. Russia*, 22.03.2012 [Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 6]), когда ЕСПЧ превысил меру критики позиции КС по вопросу права мужчин-военнослужащих на длительный отпуск по уходу за ребенком, хотелось рассматривать как исключение из правил. Несогласие ЕСПЧ с критериями

численного «представительства» политических партий при их регистрации и перерегистрации по делу «Республиканская партия России против России» (Republican Party of Russia v. Russia, 12.04.2011) - это тоже, по сути, «конфликт толкования», явление довольно частое между различными судебными инстанциями. Последовавшие один за другим Постановления ЕСПЧ: по делу ЮКОСа, когда огромная компенсация присуждена «неопознанным» акционерам, хотя заявителем выступала компания; по делу Анчугова и Гладкова о бланкетном запрете в Конституции голосовать заключенным; по делам Катана и Мозера против Республики Молдова и Российской Федерации, где на Россию возлагалась ответственность за запрет латиницы в румынско-молдавских школах Приднестровья и за условия содержания заключенных, - помимо очевидной невозможности их исполнения, как вызвали серьезный кризис доверия между двумя судами-союзниками (Постановление КС от 14 июля 2015 г. [СЗ РФ, 27.07.2015, № 30, ст. 4658] было поздней реакцией на этот конфликт), так и углубили кризис отношений России и Совета Европы. Далее последовало принятие 14 декабря 2015 г. Федерального конституционного закона о внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [СЗ РФ, 21.12.2015, № 51], дающих Конституционному Суду полномочия решать вопрос о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Следует отметить, что Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) 20 января 2016 г. вынесла в целом отрицательное заключение по этому Закону.

Поскольку именно на суды общей юрисдикции традиционно ложится основная нагрузка по урегулированию конфликтов в обществе и защите прав граждан, уже первые постановления ЕСПЧ по жалобам против России непосредственно затрагивали проблемы российского правосудия, будь то неисполнение судебных решений (, в том числе, например, упомянутое выше дело «Бурдов против России (2)» (Burdov v. Russia (2), 15.01.2009), длительность производства по делу (уголовное судопроизводство в деле

«Калашников против России» (Kalashnikov v. Russia, 15.07.2002)), нарушение принципа правовой определенности в результате неоднократных пересмотров дела в надзорном порядке (дело «Рябых против России» (Ryabukh v. Russia, 24.07.2003[Бюллетень ЕСПЧ, 2003, № 12])) и др. Рост числа исков по аналогичным жалобам привел к тому, что со временем ЕСПЧ выделил некоторые из них в категорию проблем системных. Неудивительно поэтому, что Верховный Суд РФ озаботился имплементацией Конвенции уже на ранней стадии участия России в системе Конвенции.

Появление Постановления от 29 октября 2009 г.[Российская газета, № 211, 11.11.2009] тоже не случайно: число постановлений Европейского суда о нарушении Россией статьи 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность» Конвенции ввиду массового применения судами заключения под стражу в качестве чуть ли не единственной меры пресечения было очень часто встречающимся и продолжало расти. В этом Постановлении Верховный Суд лишь однажды ссылается на статью 5 Конвенции, но весь смысл документа пронизан духом постановлений Европейского суда: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть избрано лишь при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения» (пункт 2) - таков изначальный постулат Постановления.

В объемном тексте Верховный Суд настойчиво проводит идею, ставшую общим местом правовой позиции Европейского суда: при решении вопроса об избрании меры пресечения должны непременно учитываться индивидуальные характеристики лица, обвиняемого в совершении преступления, а не только тяжесть предъявленного обвинения.

Верховный Суд детально разъясняет возможности применения залога, домашнего ареста как мер, обеспечивающих сотрудничество подозреваемого со следствием и его явку в суд.

В Постановлении от 14 июня 2012 г. [Российская газета, № 141, 22.06.2012] ВС РФ реагирует на постановления ЕСПЧ по поводу экстрадиции иностранцев в «страны риска».

В ряде постановлений, в том числе указанном выше, ВС РФ также указывает на то, что основанием отказа в выдаче могут быть риски того, что в запрашиваемом государстве подлежащее выдаче лицо может быть подвергнуто не только пыткам, но и бесчеловечному обращению.

Согласно этому можно сделать вывод о том, что Российской Федерацией не всегда прилагаются значительные усилия для уменьшения числа обращений граждан Российской Федерации в ЕСПЧ стороны. Кроме того, решения ЕСПЧ, имеющие характер толкования норм российского права с позиции международного права, российской стороной принимаются к исполнению далеко не безоговорочно, что говорит о наличии конфликта толкований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внимание к изучению и исследованию проблемы толкования права связан главным образом с правоприменительной деятельностью судов РФ. Возникшие, в связи с этим вопросы судебного толкования дали возможность для проведения новых исследований, в том числе связанных с определением содержания и приемов доктринального толкования.

В настоящее время стали распространенными ситуации, при которых под видом толкования законов часто рассматриваются разнопорядковые процессы, в том числе процесс выработки новых правоположений и новых норм, конкретизация и правотворчество.

Основными проблемными направлениями толкования права в правоприменительной деятельности являются:

- отсутствие прямой возможности на основании толкования правовых норм в процессе правоприменительной деятельности принимать решения, делать выводы и судить о правильности или не правильности принятых решений, что на данный момент необходимо;
- в процессе вынесения судебного решения судья должен опираться на официальное толкование или приобретенный практический опыт работы в своей деятельности;
- как определить нормы и границы пределов судебного усмотрения.

Современными направлениями совершенствования толкования права в правоприменительной деятельности можно выделить следующее:

1. Изменения в механизме правового регулирования, расширение договорных отношений и сферы правовой саморегуляции, переход от ограничительных и запретительных способов воздействия к общедозволительным;
2. В законах и других нормативно-правовых актах должны находить наиболее полное отражение идеи свободы и ответственности,

справедливости, равенства и безопасности при осуществлении предпринимательской и экономической деятельности;

3. выведение на качественно новый уровень работы всех правоприменительных органов, поиск путей активизации их деятельности в области охраны интересов личности, обеспечения экономической безопасности, защиты потребительского рынка;

4. обеспечение в деятельности национальных судов повышения качества работы судов всех уровней, а также официально закрепить статус правотолковательной деятельности;

5. необходимо уточнить компетенцию и функции прокуратуры, активизировать ее процессуальную роль в системе судебной защиты прав человека и субъектов бизнеса.

Что касается выделения критериев для судебного решения, определяющих пределы судебного усмотрения, то здесь необходимо понимать, что суду должно быть предоставлено право более свободного истолкования закона и устранения пробелов в нем согласно требованиям справедливости и велениям судейской совести.

Формирование новых социальных реалий с особой остротой ставит вопрос об этической ценности существующего закона, о том, насколько этот закон отвечает некоей высшей идее права, права как высшей справедливости. В свою очередь, суды стремятся принимать решения не только, а зачастую и не столько в соответствии с буквой позитивного закона, но и с духом права как явления высшей справедливости.

Процесс толкования является неотъемлемой ступенью, предварительным этапом реализации правовых норм. Толкование нужно для установления достоверности и области действия юридических норм, определения их места в общей системе правового регулирования. Поэтому целью толкования норм права является достоверное, точное и единообразное осмысление и применение закона, вычленение его сущности, которую законодатель вложил в словесную формулировку. Разъяснение сути закона (правовых норм) играет существенную

роль в правоприменительной практике. Толкование нормативного акта является важной стадией применения права. Нельзя признать законным решение суда, основанное на ошибочном понимании смысла закона.

Толкование нормы права содержит два основных элемента: понимания и объяснения смысла нормативного предписания. Понимание характеризует гносеологическую природу толкования, ориентированного на познание права. При этом неотъемлемо применять все указанные методы толкования. Только их совокупное использование поможет четкому и правильному пониманию сути правовой нормы.

В обобщенном виде познание действительности происходит постоянно и не знает пределов, оно представляет собой бесконечный процесс, то есть эволюционное толкование существует благодаря познанию действительности. В своей конкретике эта парадигма существует благодаря концепции фундаментальных прав и свобод человека.

Также следует отметить и проблемы казуального толкования права:

- ✓ неэффективность расследования злоупотреблений в момент задержания граждан полицией и проведения дознания, следственных действий;
- ✓ качество медицинской помощи, оказываемой заключенным;
- ✓ по вопросам задержания и содержания под стражей, применения мер пресечения, соблюдения длительности сроков содержания под стражей (статья 5 Конвенции).

Сама по себе качественная система права недостаточна для должной защиты их прав, если она не подкрепляется государственной политикой и действиями, направленными на обеспечение соблюдения прав и эффективное соответствие тем нормам, которые суверенные государства обязались применять.

Анализ судебной практики показал, что у судов отсутствует единое понимание положений Конвенции по правам человека, что не ведет к уменьшению числа обращений граждан Российской Федерации в ЕСПЧ и снижает авторитет судебной власти.

Перечисленное составляет основные проблемы, которые следует разрешать специалистам различных уровней посредством совершенствования техники толкования внутреннего и международного права в правоприменительной практике.

Следовательно, актуальными задачами юридической теории и практики в области толкования внутреннего и международного права в правоприменительной практике на данный момент являются: преодоление проблемы низкого качества правотворческой работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно-правовые акты

Международные акты

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (с изм. от 13.05.2004)//Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.
2. Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS № 114)// Права и свободы личности. Вып. 11.- М., 1995. С. 118 - 120.

Нормативно-правовые акты РФ

3. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) //СЗ РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
4. ФКЗ от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ«О Конституционном Суде РФ»// СЗ РФ, 21.12.2015, № 51 (часть I), ст. 7229.
5. ГПК РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) //СЗ РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
6. АПК РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) //СЗ РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
8. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) (ред. от 27.10.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
9. КоАП РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020) //СЗ РФ, 09.03.2015, № 10, ст. 1391.
10. ФЗ от 09.12.2010 № 353-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в ГПК РФ» //СЗ РФ, 13.12.2010, № 50, ст. 6611.

11. ФЗ от 30.04.2010 № 68-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» //СЗ РФ, 03.05.2010, № 18, ст. 2144

12. Указ Президента РФ от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы»//СЗ РФ, 20.05.1996, № 21, ст. 2468.

13. Приказ Минюста России от 03.11.2005 № 205 (ред. от 12.02.2009, с изм. от 07.02.2012) //Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 47, 21.11.2005. Документ утратил силу.

14. Информационное письмо ВАС РФ от 20.12.1999 № С1-7/СМП-1341// Вестник ВАС РФ, № 2, 2000

15. Информационное письмо заместителя Генерального прокурора РФ С.Г. Кехлерова от 21 декабря 2010 г. Электронный ресурс//Адрес доступа: <https://genproc.gov.ru/>. Дата выхода: 15.11.2020

16. Информационное письмо от 15 сентября 2010 г. Электронный ресурс//Адрес доступа: <https://genproc.gov.ru/>. Дата выхода: 15.11.2020

17. Информационное письмо от 17 мая 2009 г. Электронный ресурс//Адрес доступа: <https://genproc.gov.ru/>. Дата выхода: 15.11.2020

18. Информационное письмо от 31 марта 2010 г. Электронный ресурс//Адрес доступа: <https://genproc.gov.ru/>. Дата выхода: 15.11.2020

Материалы судебной практики

19. Дело «Ранцев (Rantsev) против Республики Кипр и Российской Федерации» : постановление ЕСПЧ от 7 янв. 2010 г. (жалоба № 25965/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 5.

20. Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» : постановление ЕСПЧ от 27.03.2014 (жалоба № 58428/10) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4 (04).

21. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело "Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации" (жалоба NN 11157/04 и 15162/05) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. N 2/2014 г.

22. Решение Европейской комиссии по правам человека Steward v. the United Kingdom (10.07.1984). Электронный ресурс//Адрес доступа: <http://echr.ketse.com/doc/10044.82-en-19840710/>. Дата выхода – 16.11.2020

23. Решение ЕСПЧ от 19.04.2016 «О приемлемости жалобы № 60189/15 «Тимур Иванович Кашлан (Timur Ivanovich Kashlan) против РФ»// Бюллетень ЕСПЧ, 2016, № 6

24. Решение ЕСПЧ от 25.06.2009 «По вопросу приемлемости жалобы № 42600/05 «ООО «Линк Ойл СПб» (ООО Link Oil SPb) против РФ» //Бюллетень ЕСПЧ, 2011, № 1.

25. Решение ЕСПЧ от 25.06.2009 «По вопросу приемлемости жалобы № 6025/09 «Галина Васильевна Ковалева и другие (Galina Vasilyevna Kovaleva and Others) против РФ»// Бюллетень ЕСПЧ, 2011, № 1.

26. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 01.07.2014 по делу «Герасимов (Gerasimov and Others) и другие против РФ» //Бюллетень ЕСПЧ, 2014, № 11

27. Информация о постановлении ЕСПЧ от 08.07.2004 по делу «Илашку и другие (Iascu and Others) против Молдавии и России»// Бюллетень ЕСПЧ, 2004, № 12

28. Информация о постановлении ЕСПЧ от 08.07.2004 по делу «Илашку и другие (Iascu and Others) против Молдавии и России» // Бюллетень ЕСПЧ, 2004, № 12

29. Информация о постановлении ЕСПЧ от 11.03.2004 по делу «Йоргов (Iorgov) против Болгарии» // Бюллетень ЕСПЧ, 2004, № 7

30. Информация о постановлении ЕСПЧ от 29.04.2003 по делу Полторацкий (Poltoratskiy) против Украины //Бюллетень ЕСПЧ, 2003, № 9

31. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 «Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) против РФ» (жалоба № 42525/07, 60800/08)// Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 8
32. Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 «Дело «Бурдов (Burdov) против РФ» (№ 2) (жалоба № 33509/04)// Российская хроника ЕС, 2009, № 4
33. Постановление ЕСПЧ от 15.07.2002 «Дело «Калашников (Kalashnikov) против РФ» (жалоба № 47095/99) //Бюллетень ЕСПЧ, 2003, № 1
34. Постановление ЕСПЧ от 17.04.2012 «Дело «Илюшкин и другие (Pyushkin and Others) против РФ» //Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 10
35. Постановление ЕСПЧ от 17.04.2012 «Дело «Калинкин и другие (Kalinkin et Autres) против РФ»// Бюллетень ЕСПЧ, 2013, № 5
36. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 «Дело Константин Маркин (Konstantin Markin) против РФ» (жалоба № 30078/06)// Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 6
37. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 «Дело Константин Маркин (Konstantin Markin) против РФ» (жалоба № 30078/06)// Бюллетень ЕСПЧ, 2012, № 6
38. Постановление ЕСПЧ от 24.07.2003 «Дело «Рябых (Ryabykh) против РФ» (жалоба № 52854/99)// Бюллетень ЕСПЧ, 2003, № 12
39. Постановление ЕСПЧ от 26.05.2009 «Дело «Бацанина (Batsanina) против РФ» (жалоба № 3932/02)// Бюллетень ЕСПЧ, 2010, № 2
40. Постановление ЕСПЧ от 29.04.2002 «Дело «Претти (Pretty) против Соединенного Королевства» (жалоба № 2346/02) [рус., англ.] Адрес доступа: <http://www.echr.coe.int>. Дата выхода: 12.11.2020.
41. Постановления ЕСПЧ, использованные в постановлениях и обзорах Верховного Суда РФ (2010 - 2015) / Под общ. ред. В.Л. Ломбиной. М.: Юридическая литература, 2016. С.198.
42. Обзор судебной практики ВС РФ № 2 (2020) (утв. Президиумом ВС РФ 22.07.2020). Документ не был опубликован//СПС КонсультантПлюс

43. Определение ВС РФ от 07.06.2017 № 302-ЭС17-6131 по делу № А19-17717/2015//СПС КонсультантПлюс

44. Определение КС РФ от 17.02.2000 № 84-О //СЗ РФ, 10.07.2000, № 28, ст. 2999.

45. Определение КС РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р// СЗ РФ, 30.11.2009, № 48, ст. 5867.

46. Постановление КС РФ от 02.02.1999 № 3-П// СЗ РФ, 08.02.1999, № 6, ст. 867.

47. Постановление КС РФ от 14.07.2015 № 21-П //СЗ РФ, 27.07.2015, № 30, ст. 4658.

48. Постановление КС РФ от 16.05.2000 № 8-П //СЗ РФ, 22.05.2000, № 21, ст. 2258.

49. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 52 (ред. от 20.09.2018) // Вестник ВАС РФ, № 9, сентябрь, 2011. Документ утратил силу

50. Постановление Пленума ВС РФ от 14.06.2012 № 11 (ред. от 03.03.2015) // РГ, № 141, 22.06.2012.

51. Постановление Пленума ВС РФ от 29.10.2009 № 22 (ред. от 14.06.2012) //РГ, № 211, 11.11.2009. Документ утратил силу.

52. Решение №2-1012/2014 от 10 июля 2014 года Шахунский районного суда Нижегородской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>

53. Решение №2-718/2014 от 10 июня 2014 года Усть-Джегутинский районного суда Карачаево-Черкесской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>

Литература

54. Алексеев С.С. Государство и право / С.С. Алексеев. – М.: Проспект, 2006. – 152 с.

55. Болдырев В.А. Признание права собственности отсутствующим: практика за границами акта официального толкования права // Юрист. 2020. № 4. С. 33 - 40.

56. Быкова Е.В., Выскуб В.С. Новые возможности для России после ратификации Четвертого дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 14 - 18.

57. Василевич Г.А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов: понятие, виды, юридические последствия // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 5

58. Великий Д.П. Специально-юридический способ толкования норм уголовно-процессуального права // Lex russica. 2020. № 2. С. 63 - 74.

59. Вифлянцева А.О. К вопросу о телеологическом толковании активности суда по делам об оспаривании нормативных правовых актов // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 34 - 38.

60. Власенко Н.А., Залоило М.В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43.

61. Гук П.А. Судебное толкование норм права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 72

62. Желдыбина Т.А. Судебное толкование: неправильное или ошибочное? // Администратор суда. 2019. № 4. С. 19 - 22.

63. Зайцев О.В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 105 - 136.

64. Залоило М.В., Ибрагимова Ю.Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 78

65. Иванова Т.В. Гласность от истоков до современности и ее значение в толковании норм права // Российский судья. 2020. № 6. С. 47 - 52.

66. Кажлаев С.А. О правообразующей роли КС РФ в развитии права // Судья. 2018. № 12. С. 35

67. Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции КС РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С.92.
68. Ковлер А.И. Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2019. 400 с. С.109
69. Ковтков Д.И. Кассационное производство в гражданском процессе РФ и некоторых зарубежных стран. М.: Юстицинформ, 2018. 188 с.
70. Крусс В.И. Конституционное правопонимание и практико-ориентирующая состоятельность современной теории права // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 7
71. Лазарев С.В. Управление делами в гражданском процессе за рубежом: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2018. С.67.
72. Леоненко Н.Т. Феномен «живой конституции» и статус главы государства // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 63 - 74.
73. Лихачев М.А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 30 - 44.
74. Поляков С.Б. Легальные и реальные принципы права // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 17
75. Путеводитель по прецедентной практике ЕСПЧ. 2002 - 2016. Научно-аналитическое издание / Науч. ред. и сост. Ю.Ю. Берестнев. М., 2016.
76. Путин: выход России из-под юрисдикции ЕСПЧ возможен, но вопрос на повестке не стоит. Электронный документ// Адрес доступ: <https://tass.ru/politika/1380242>. Дата выхода: 12.11.2020
77. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М.В. Агальцова, Т.К. Андреева, Е.Е. Баглаева и др. М.: Развитие правовых систем, 2018. Вып. 4: Роль прецедента в толковании Европейской конвенции по правам человека. С.193.

78. Савельев А.И. На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. 2019. № 4. С. 174 - 195.

79. Самсонов Н.В. Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 7 - 11.

80. Сидоренко М.В. Правовая определенность позиций ЕСПЧ для системы российского уголовно-процессуального права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 5. С. 6

81. Сюдр Ф. Субсидиарность - «новые рамки» для ЕСПЧ (о дополнении Конвенции Протоколами № 15 и 16) // Права человека. Практика ЕСПЧ. 2014. № 6. С. 12

82. Фетисов А.К. Компетенция государственной юрисдикции как факт активной легитимации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 59.

83. Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека / Науч. ред. А.И. Ковлер. М., 2016.

84. Шарнина Л.А. Толкование как способ восполнения правовой неопределенности в конституционном праве: вопросы судебного усмотрения // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 7

85. Шахназаров Б.А. Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов внутригосударственных и трансграничных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 174 - 184.